

Лю Чжэньюнь

Меня зовут
Лю Юэцзинь

Лю ЧЖЭНЬЮНЬ
Меня зовут Лю Юэцзинь

«Гиперион»

2016

ББК 84 (5 Кит)

Чжэньюнь Л.

Меня зовут Лю Юэцзинь / Л. Чжэньюнь — «Гиперион», 2016

ISBN 978-5-89332-276-7

Роман Лю Чжэньюня «Меня зовут Лю Юэцзинь» уже третье произведение выдающегося китайского сатирика, изданное на русском языке. С фирменной иронией Лю Чжэньюнь рассказывает о происшествиях в жизни обычного китайского повара, невольно сделавших его вершителем судеб чиновной и деловой элиты. Безобидная овца, желая пощипать травку, по неосторожности ощипала целую стаю волков. При всей анекдотичности в этой истории нет ничего невероятного, таков современный Китай.

ББК 84 (5 Кит)

ISBN 978-5-89332-276-7

© Чжэньюнь Л., 2016

© Гиперион, 2016

Содержание

Глава 1. Синемордый Ян Чжи	6
Глава 2. Жэнь Баолян	11
Глава 3. Хань Шэнли	15
Глава 4. Лю Пэнцзюй	18
Глава 5. Янь Гэ	22
Глава 6. Цюй Ли	28
Глава 7. Ма Маньли и Ян Юйхуань	34
Глава 8. Синемордый Ян Чжи	38
Глава 9. Лао Линь и начальник Цзя	41
Глава 10. Хань Шэнли	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лю Чжэньюнь
Меня зовут Лю Юэцзинь

© О. П. Родионова, перевод, 2016

© Издательский дом «Гиперион», оформление, 2016

* * *

刘震云 我 叫 刘 跃 进

Глава 1. Синемордый Ян Чжи

Ян Чжи по прозвищу Синемордый нарвался на Чжан Дуаньдуань в ресторанчике Лао Ганя «Синьчжоуская¹ резиденция вкуса». Лао Гань из-за проблем с горлом разговаривал с присвистом. И хотя это стоило ему больших усилий, он все равно не умолкал. Когда Ян Чжи умял пять присыпанных кунжутом лепешек вместе с бараньей похлебкой, к нему подошел Лао Гань, рассчитал его и, присев напротив, стал рассказывать, как вчера вечером с моста «Дахунмэньцяо», что рядом, на Пятом кольце, сиганул самоубийца: «Рассчитывал, что помрет, но не получилось, только ногу сломал. Зато досталось пяти ехавшим по развязке машинам – врезались одна в другую. Один «мерс» так вообще вынесло поперек дороги на соседнюю полосу, и его на полном ходу протаранил груженный углем грузовик с шаньсийскими номерами. В результате «мерседес» со всей дури впечатало в опору моста. В машине ехали мужчина и женщина. Мужчина получил перелом тазовых костей, а женщина скончалась на месте. Но это еще не самое интересное. Как потом выяснилось, погибшая была не женой, а любовницей того мужика. Нескоро еще разберутся с самой аварией, зато в больнице сейчас полный переполох. Вот мужик попал впросак – не ждал, не гадал», – заключил Лао Гань.

Но Синемордого сейчас больше волновали свои собственные заботы, поэтому, пытаясь закруглить разговор, он взял со стола поясную сумку и сказал:

– Лао Гань, из какой муки были сегодня твои лепешки? Какие-то они прогорклые.

– Почуял-таки. Только кое в чем ты ошибся: не в муке сегодня дело, а в кунжуте. Лао Ху, который мне его продал, взял и подмешал к свежему кунжуту прошлогодний. Считаю, что одно-единственное зернышко раскрыло мне глаза на человека. – Тут он неожиданно спросил: – А ты нашел того, про кого я говорил в прошлый раз?

Ян Чжи и Лао Гань оба были выходцами из Шаньси, только Лао Гань – из Синьчжоу, а Ян Чжи – из Цзиньчэна². И хотя один жил на севере провинции, а другой на юге, они все равно считались земляками. Однако в том, что Ян Чжи стал завсегдатаем «Синьчжоуской резиденции вкуса» их землячество было ни при чем, просто Синемордому нравилось, как Лао Гань готовит баранью похлебку. А та у него выходила отменная, хотя баранину он покупал, как и все остальные, на рынке. Казалось бы, готовил из тех же костей, однако похлебка у него, не в пример другим, получалась вкусной, насыщенной и ароматной. И если в свою похлебку Лао Гань действительно вкладывался, то в случае с кунжутными лепешками, закусками и горячими блюдами он халтурил. И Ян Чжи это не нравилось. От людей он слышал, что баранья похлебка Лао Ганя оттого так хороша, что тот добавлял в нее соломку опийного мака, поэтому всякий, кто ее отвеживал, тянулся к ней снова. Как-то ночью, двадцать пятого числа прошлого месяца, когда в доме Лао Ганя все спали, туда проник вор. Как потом выяснилось, он просто проходил мимо: в ресторан этот он никогда раньше не заходил и Лао Ганя знать не знал. В первом зале, где, собственно, располагался ресторан, стояли столы да лавки, но зачем они вору? В соседнем помещении была кухня с утварью, которая тоже его не интересовала, не для того он с таким трудом взламывал дверь. Вор решил, что деньги спрятаны в спальне, где спало все семейство. Но прозорливый Лао Гань денег там не держал, вырученную за день прибыль он заворачивал в пакетик и клал в жбан с кунжутом, который стоял на кухне. Сверху жбана – кунжут, а внутри – денежки. Лао Гань не хранил денег в спальне, потому как боялся, что их растаскают жена с детьми. Вот и получилось, что свое добро он прятал от домочадцев, а сохранил от вора. Вор стал шарить в спальне: проверил шкафы с тумбочками, перевернул лежавшую рядом одежду, даже прошелся рукой под подушкой Лао Ганя, но весь его улов составил три с половиной юаня.

---

¹ Синьчжоу – городской округ в центрально-китайской провинции Шаньси.

² Городской округ в южной части провинции Шаньси.

Вот уж загадка так загадка, не в силах ее разгадать, вор в растерянности присел на пол у кровати. Между тем Лао Гань уже давно не спал. Молча, стараясь не выдать себя лишним звуком, он поглядывал на пригорюнившегося вора. Наконец, не выдержав, он хохотнул. Закричи Лао Гань: «Держи вора!», – вор бы не испугался, потому как много раз попадал в подобные переплеты. Но сейчас, услышав чей-то смех, да ладно бы нормальный, а то с жутким присвистом, вор жутко перепугался и уже сам с воплем: «Вор!» – выскочил из дома. Но выскочил он все-таки не с пустыми руками: выбегая за дверь, он успел прихватить висевшую на стене куртку Лао Ганя. Денег в ней не лежало, да и от кожаной было лишь название, прямо как ресторан Лао Ганя: не ахти какое заведение, зато звучит ого-го! Однако в кармане той куртки лежала тетрадь в клеточку. Дело в том, что рядом с «Синьчжоуской резиденцией вкуса» находился рынок, а прямо за ним – стройплощадка. Поэтому в ресторан к Лао Ганю частенько заглядывали торговцы с рынка и рабочие со стройки. Данной публике изыски не требовались, народ приходил просто поесть. Это и подтолкнуло Лао Ганя прибегнуть к разного рода уловкам. У посетителей «Синьчжоуской резиденции вкуса» много денег не водилось, а бывало, что и они вовсе заканчивались, и в таких случаях Лао Гань кормил людей в долг. Приходя по одному, они в долги не влезали, ведь всегда заранее известно, во сколько обойдется заказ. Но доведись им прийти компанией из трех-пяти человек, приглашающая сторона легко могла и просчитаться. На халяву-то поесть всякий горазд, то одного гости захотят, то другого, а приглашающий знай себе хорохорится, выполняет любые прихоти. В результате денег не хватает и приходится оформлять долг у Лао Ганя, а потом возвращать при удобном случае. Записи этих расчетов и хранились в той самой тетрадке. Сама же тетрадка лежала во внутреннем кармане куртки. Вообще-то говоря, раньше Лао Гань не клал ее в карман, а вешал на гвоздик на стене рядом с курткой. Но однажды в его «Синьчжоускую резиденцию» заглянул торговец бараниной Лао Та, уроженец Внутренней Монголии. Пока он ждал свой заказ, от нечего делать снял с гвоздика тетрадку и стал ее изучать, то и дело громко озвучивая имена всех должников вместе с их долгами. Лао Та раззадорился, а Лао Гань, понимая, что они не одни, испугался, как бы все это не дошло до ушей должников и не сказалось на его бизнесе. Тогда он выхватил тетрадку из рук Лао Та и засунул ее в карман куртки. В тот раз он сделал это неосознанно, но постепенно это вошло у него в привычку: запишет, бывало, очередного должника и засунет тетрадку в куртку. Лао Гань и подумать не мог, что тетрадка окажется в руках вора. Записанные в ней долги по отдельности выглядели смешными, но если сложить их вместе, то выходила кругленькая сумма в тысячу с лишним юаней. На самом деле Лао Гань нутром чуял, кто в его «Резиденции вкуса» числится в должниках, у него, что называется, имелся еще и свой внутренний калькулятор. Однако пропажа тетрадки сулила ему неудачу в делах: он опасался, что без такого свидетельства должники будут увиливать от уплаты долгов. Поэтому-то Лао Гань и хотел вернуть эту тетрадку. Разговорившись со своим земляком и постоянным клиентом Ян Чжи, он узнал, что тот якобы водится с ворами. Лао Гань не стал уточнять, чем занимается сам Ян Чжи, да и последний на этот счет тоже помалкивал, тут, как говорится, не пойман – не вор. Тогда Лао Гань поинтересовался у Ян Чжи, как бы ему найти вора: «Куртка мне не нужна, а вот если он вернет ту тетрадку, я ему еще двадцать юаней в придачу дам».

Поэтому сейчас, когда Лао Гань снова вернулся к этой теме, Ян Чжи сплюнул на пол и сказал:

– Значит, как с просьбой обратиться, так это пожалуйста, а как накормить, так «платите денежки». Считай, что такое отношение и мне глаза на человека раскрыто.

Лао Гань, крепко зажав в кулаке деньги, просипел:

– Так, по-твоему, выходит, я эти деньги должен тебе вернуть?

Ян Чжи оставил его вопрос висеть в воздухе, взял сумку и направился к выходу. По пути вытирая салфеткой рот, он вдруг заметил за столиком у самой двери худенькую девушку, перед которой стояла чашка с бараньей похлебкой. Однако девушка не ела, а просто задумчиво

смотрела в окно: на улицах уже зажглись фонари, мимо куда-то по своим делам торопились прохожие. Покинув «Синьчжоускую резиденцию вкуса», Ян Чжи, уже подходя к остановке, решил закурить, но, похлопав себя по карманам, вспомнил, что оставил сигареты в ресторане. Сначала он хотел было вернуться за ними, но передумал и направился к ближайшему ларьку. Купив новую пачку, Ян Чжи вытащил сигарету, зажег ее и хотел уже отправиться дальше, как вдруг его догнала та самая девушка, которую он приметил в ресторане. Поравнявшись с Ян Чжи, она предложила:

– Может, развлечемся?

Только сейчас до Ян Чжи дошло, что она была «ночной бабочкой». Ее худенькое тело и детское личико тянули лет на семнадцать-восемнадцать. Рассмотрев ее повнимательнее, Ян Чжи заключил, что она совсем не походила на опытных уличных потаскушек, которые смотрели на мужчин, словно кошки на мышек. Девушка же эта, наоборот, смотрела на Ян Чжи, словно мышка на кота, да и от своих слов тут же зарделась. Она не стеснялась того, что была «ночной бабочкой», хотя ее и отличало редкое для этой профессии смущение. Именно данное обстоятельство и тронуло Ян Чжи, поэтому, не имея прежде планов развлечься, он вдруг этого захотел. Синемордый кивнул, и тогда девушка повела его в свое жилище. По дороге Ян Чжи стал задавать ей вопросы:

– Ты откуда?

– Из Ганьсу.

– Как давно занимаешься этим?

Мельком взглянув на Ян Чжи, девушка опустила голову:

– Если скажу, что со вчерашнего дня, все равно не поверишь. Я приехала в Пекин к своему брату, но не знала, что он сменил адрес, звонила ему на мобильник, но его номер больше не обслуживается. Я решила заняться этим, чтобы накопить деньги на билет. Разумеется, ты считаешь, что я вру.

Ян Чжи хохотнул:

– Мы с тобой, может быть, видимся первый и последний раз, занимайся ты этим хоть год, мне-то что? Ну а даже если начала только вчера, так мне, считай, тоже ничего особого не обломилось.

Они продолжали путь. Ян Чжи снова поинтересовался:

– Сколько тебе лет?

Девушка подняла свое лицо и ответила:

– Двадцать три.

Ян Чжи такой ответ показался неожиданным. Обычно подобные девушки занижают свой возраст, а эта, выглядя на семнадцать-восемнадцать, вдруг объявила, что ей двадцать три. Весьма честно с ее стороны.

– Как твоя фамилия?

– Фамилия Чжан, но не надо церемоний, зови меня просто Дуаньдуань.

Ян Чжи понял, что Дуаньдуань – ненастоящее имя девушки. Но раз она на него откликается, то почему бы ее так и не называть. Велика ли важность, как звать человека? Разговаривая, они уже дошли до второй остановки, но, похоже, нужно было пройти еще. Тогда Ян Чжи приостановился и спросил:

– Далеко еще?

Дуаньдуань показала вперед:

– Нет, уже пришли.

Они снова двинулись с места, но ее «уже пришли» растянулось до следующей остановки. Наконец они свернули в какой-то переулок. Место оказалось затхлое, рядом стояли три общественных туалета, смывная вода из них просачивалась прямо на улицу. Освещения здесь не

было, поэтому следовало смотреть под ноги. В самом конце переулок резко заворачивал и продолжался дальше. Ян Чжи огляделся:

– Здесь безопасно?

– Братец, ты уже столько идешь за мной, и только сейчас вспомнил о безопасности.

Наконец они уперлись в тупик. В тупике стоял домишко с выходом на улицу. Заделанные известкой вкривь и вкось швы на стене делали ее похожей на пеструю тыкву. Судя по всему, раньше никакого выхода здесь не было, видимо, его вывели на улицу, когда сильно приспичило. Дверью в дом служила большая древесно-стружечная плита, которая при малейшем ветре колыбалась внутри самодельной рамы из сколоченных реек. Дуаньдуань вытащила из брюк ключ и, наклонившись к замочной скважине, открыта дверь, вошла в дом и включила свет. Прежде чем переступить порог, Ян Чжи еще раз огляделся. Только окончательно убедившись, что в переулке не было ни души, он успокоился и последовал внутрь. Дуаньдуань закрыла дверь на крючок, а Ян Чжи тем временем стал осматриваться по сторонам: они были в комнате площадью семь-восемь квадратов; у стены стояла кровать, прямо на полу громоздилась какая-то кухонная утварь.

– Свет выключить или оставить? – обратилась к Ян Чжи девушка.

Ян Чжи на секунду задумался и ответил:

– Выключить, так оно надежнее.

Девушка выключила свет, и они стали раздеваться. Оказавшись в постели, Ян Чжи сразу понял, что Дуаньдуань действительно двадцать три года. Она вела себя весьма и весьма умело. Сначала Ян Чжи взял инициативу в свои руки, но как только он погрузился в лоно Дуаньдуань, та стала его направлять. Из-за ее хрупкого телосложения Ян Чжи побаивался резких телодвижений, но кто бы мог подумать, что уже после нескольких его толчков худенькая Дуаньдуань, которую он подмял под себя, возьмет над ним полную власть. Вот тогда-то Ян Чжи и понял, как может быть обманчива внешность, как говорится, морскую воду ковшом не измерить. Ян Чжи, до того не горевший энтузиазмом, сейчас, раззадоренный Дуаньдуань, вдруг распалился не на шутку. Но в момент, когда он уже готов был разрядиться, дверь с грохотом отвалилась, под потолком с громким щелчком вспыхнула лампочка, и в комнату вломились три амбала. От их нахрапистого дыхания разило перегаром. Ян Чжи разом прошиб пот. Сначала он подумал, что нагрянула полиция, но жуткий вид этих молодчиков его в этом разубедил. Первой реакцией Ян Чжи было схватить свою одежду, но все его вещи, включая поясную сумку, уже прибрал к рукам один из вошедших. Другой товарищ без всяких объяснений подлетел к Ян Чжи и вмазал ему крепкую пощечину.

– Твою мать, как ты посмел насиловать мою жену!

Ян Чжи, стоя в чем мать родила, оставил неприкрытым лицо и пытался защитить свое хозяйство:

– Это какая-то ошибка.

Он взглянул на Дуаньдуань, а та как подменили: закрывшись ладонями, она стала причитать:

– Я готовила ужин, а он проник в дом, схватил нож и затащил меня в постель.

С этими словами она показала на подоконник, на котором лежал какой-то скребок. Третий амбал схватил его в руки и направил в сторону Ян Чжи:

– Выбирай: полицию вызовем или сами договоримся?

Только сейчас до Ян Чжи дошло, что он напоролся на шайку грабителей, в которой Дуаньдуань играла роль наживки. А Ян Чжи по неосмотрительности на нее клюнул. Сейчас он в полной мере понял, как может быть обманчива внешность, и что значит «морскую воду ковшом не измерить». Амбал, схвативший вещи Ян Чжи, бесперемонно стал их обшаривать. Он достал из карманов мобильник, кошелек, из кошелька вытащил деньги с кредитками. Потом очередь дошла до сумки, длинный ремень которой он завязал в узел; в сумке он также нашел

толстую пачку купюр. Вытащив все деньги, он наткнулся на удостоверение, взял его и вслух прочитал:

– Лю Юэцзинь.

Оторвавшись от документа, спросил:

– Ты – Лю Юэцзинь?

Поникшему Ян Чжи не хотелось отвечать ни на какие вопросы. Но это никого не волновало. Бандит снова стал изучать фотографию, сравнивая ее с физиономией голого Ян Чжи, после чего изрек:

– Не похож.

Тут Ян Чжи осенило, что все его несчастья начались с посещения «Синьчжоуской резиденции вкуса» Лао Ганя, а во всем была виновата его сумка. Ведь именно из нее Ян Чжи вытаскивал деньги, которые увидела Чжан Дуаньдуань, когда он расплачивался в ресторане.

Глава 2. Жэнь Баолян

Каждый на стройке знал, что Лю Юэцзинь – вор. Обычно вору промышляют на улицах либо обчищают дома, а Лю Юэцзинь ни того ни другого не делал – воровал он у себя на стройке. При этом проволока, кабель и трубы его не интересовали – интерес для него представляла столовая. Лю Юэцзинь был поваром. И воровал он даже не в столовой, а на рынке. Каждое утро в обязанности Лю Юэцзиня входила покупка продуктов. Собственно, и на рынке он ничего не крал: будь то зелень, редька, капуста, картошка, лук или мясо – за все он платил исправно. Но учитывая, что на стройплощадке трудилось несколько сотен ртов, за раз Лю Юэцзиню приходилось покупать помногу всего, а это давало возможность поторговаться. Если ему удавалось за цзинь³ скинуть пять фэней⁴, то за несколько десятков цзиней он уже мог сэкономить несколько юаней. Кроме того, было выгодно заходить в одни и те же лавки, а не бегать по разным продавцам. Или взять, к примеру, мясо, оно ведь тоже бывает разным: филейная часть, грудинка, шея – и стоит все по-разному. В кругу рабочих бытует мнение, что есть прямая взаимосвязь между бычьими шеями рабочих и тем мясом, которое каждый день им готовил Лю Юэцзинь. Но, как говорится, не пойман – не вор, а Лю Юэцзиня поймать не удавалось, поэтому и назвать его вором тоже было нельзя. Народ же на стройке злился не из-за наличия вора, а из-за того, что его нельзя было поймать. Бригадир-подрядчик Жэнь Баолян сокрушался: «Я раньше думал, что не пойман – не вор, а тут выходит, не пойман – а вор».

Лю Юэцзинь и подрядчик Жэнь Баолян дружили уже десять с лишним лет. Жэнь Баолян был хэбэйцем из Цанчжоу⁵, а Лю Юэцзинь – хэнаньцем из Лошуя⁶. Шестнадцать лет назад Жэнь Баолян, отсидев два с лишним года, вышел из лошуйской тюрьмы. В этой самой тюрьме поваром тогда работал дядя Лю Юэцзиня, Ню Дэцао. Пока ему не исполнилось сорок лет, его огромные глаза светились, словно два прожектора. А в тот год, когда он отметил свое сорокалетие, у него обнаружилась катаракта, и с тех пор все перед ним сливалось, словно в тумане. Пока Ню Дэцао видел хорошо, речь его была неторопливой, а едва в глазах появился туман, он стал разговаривать очень громко. Завидя кого-нибудь, он тотчас восклицал:

– Зрение – это еще не все, я людей сердцем чувю.

Когда Ню Дэцао был еще здоров и Лю Юэцзинь вместе с матерью ходил к бабушке, Ню Дэцао с ними практически не общался, поэтому Лю Юэцзинь его побаивался. Хотя кашеварил Ню Дэцао при тюрьме, гонору у него было хоть отбавляй: и не оттого, что он работал поваром, а оттого, что работал он в тюрьме. Повара из ресторанов каждый день выкладывались как могли, а у тюремного повара была прямо противоположная задача. Заключение может и хотели бы хорошо покушать, да кто бы им дал: триста шестьдесят дней в году их трехразовое питание неизменно составляли соленья, жидкая каша да пампушки. В ресторанах чуть что клиентам не по вкусу – повар крайний, а заключенным что ни подадут – они лишь помалкивают. А случись им пересечься с поваром, так они еще и заискивать начнут. Повара из ресторанов презирали Ню Дэцао, а тот презирал их: «Едрить твою мать, везде заведено, чтобы повара опекали клиентов, еще поискать надо, где наоборот».

Однако, когда у Ню Дэцао появилась привычка драть глотку в разговоре, народ приносившийся им, незрячим, помыкать. Сослуживцы или знакомые при встрече любили шлепнуть его по шее. Бывало, огреют звонким шлепком по загривку и поминай как звали, а Ню Дэцао оставалось только гадать, кто это был. Как-то раз зимой, когда Лю Юэцзинь вместе с матерью

---

³ Китайская мера веса, в настоящее время составляет 500 г.

⁴ Китайская денежная единица, одна сотая часть юаня.

⁵ Городской округ в восточной части провинции Хэбэй, на юге граничит с провинцией Хэнань.

⁶ Уездный центр в провинции Хэнань.

пошел в тюрьму проведать дядю, тот взял его с собой на рынок, чтобы прикупить солений. Вдруг к ним подошел один из знакомых Ню Дэцао и огрел его по шее. Ню Дэцао уже привык к такому обращению, а вот восьмилетний Лю Юэцзинь решил заступиться за дядю, поэтому пнул и обругал обидчика. Тот никак не ожидал такого поворота и дал мальчику оплеуху. Лю Юэцзинь заплакал, вокруг собралась толпа, а Ню Дэцао недовольно пожурил племянника, мол, это же просто шутка. Но когда они уже уходили с рынка, он погладил его по голове и, проследившись, сказал:

– Верно говорят, что на тигра лучше идти с братьями, а на войну – с отцом.

С тех пор они и сблизились. Когда за решетку попал Жэнь Баолян, Лю Юэцзинь уже женился. В те времена Жэнь Баолян мотался на грузовике по Китаю, скупая и перепродавая уголь, зерно, удобрения и хлопок. Работа эта была сезонная, поэтому весь свой заработок он потом вкладывал в закупку нового товара. Как-то раз он вез из Гаю, что в провинции Цзянсу, целый грузовик живых крабов, а направлялся он в провинцию Шэньси, в Тунгуань. Когда же он проезжал через пост транспортной инспекции в Лошуге, его тормознули. Сказали, что параметры грузовика превышают стандарты. Тогда Жэнь Баолян по-тихому сунул в карман полицейского двести юаней, тот не возражал. Жэнь Баолян завел уже было машину, чтобы ехать дальше, но тут из будки к нему направился еще один полицейский. Он попросил заново предъявить документы и, придравшись к чему-то, объявил, что машина подлежит задержанию. Жэнь Баолян не собирался раскошелиться по второму кругу. Между тем он глянул на свой живой товар: крабы, источая пену и тараща глаза, проявляли нетерпение. Жэнь Баолян тоже стал заводиться: один, видите ли, придирается почему зря, другой, прикарманив деньги, вообще ушел, не считая своим долгом помочь – как тут не взбеситься? Жэнь Баолян выловил первого полицейского и потребовал свои деньги обратно, но тот воспротивился, сказав, что никаких денег не брал. Между ними началась потасовка. Полицейский схватил свою дубинку и принялся колотить Жэнь Баоляна, но тот после трех ударов дубинку отобрал и огрел ею полицейского. Если три удара полицейского пришлись по плечу, пояснице и спине Жэнь Баоляна, то один удар Жэнь Баоляна обрушился обидчику прямо на голову. И этого хватило, чтобы полицейский, окровавленный, грузно повалился на землю. Если расколошматить черепаху обычному смертному, то, как говорится, невелика беда, но совсем другое дело, если пострадала черепаха полицейского. В итоге небольшая ранка с несколькими каплями крови после больничного освидетельствования превратилась в сильное сотрясение мозга, к этому еще прибавили оказание противодействия лицам при исполнении служебных обязанностей, и Жэнь Баоляна осудили на два года и восемь месяцев.

Как-то раз Лю Юэцзинь отправился в город за поросенком. У него была одноклассница, Ли Айлянь, а у той – двоюродный брат, Фэн Айго. Этот самый Фэн Айго украл в соседней деревне быка и корову с двумя телятами, за что тоже попал за решетку на восемь месяцев. Ли Айлянь рано лишилась родителей, поэтому с малых лет ее растила тетка. Раз в месяц в тюрьме устраивали день свиданий, и хотя этот день еще не настал, Ли Айлянь пользуясь тем, что дядя Лю Юэцзиня работал тюремным поваром, попросила Лю Юэцзиня передать Фэн Айго жареную курицу. Поэтому, купив в городе поросенка, Лю Юэцзинь взял жареную курицу и зашел к своему дяде Ню Дэцао. Ню Дэцао вызвал из камеры Фэн Айго, которого привели прямо в тюремную кухню. Швырнув ему курицу, дядя разрешил ему пристроиться и поесть в углу. Когда курица была уже наполовину съедена, из камеры кто-то закричал:

– Это я – Фэн Айго! Это я – Фэн Айго!

Тогда только выяснилось, что курицу грыз вовсе не Фэн Айго, а хэбэец Жэнь Баолян. Когда Ню Дэцао пришел за Фэн Айго, тот, уже два дня мучаясь поносом, вышел в туалет. Поэтому на кухню вместо него привели его сокамерника Жэнь Баоляна. Разобравшись что к чему, Ню Дэцао подошел к Жэнь Баолян и влепил ему затрещину:

– Едрить твою мать, а в Хэбэе жареных куриц не делают? – Пнув заключенного, он добавил: – Хотел меня одурачить? Ладно бы кто другой осмелился, а тут еще ваш брат начинает мне мозги пудрить!

С этими словами он схватил скалку и набросился на Жэнь Баоляна. Лю Юэцзинь наблюдал, как заключенный, обхватив руками голову, молча терпит побои, при этом пытаясь дожевать свою курицу. Наконец Лю Юэцзинь не выдержал и бросился к Ню Дэцао:

– Дядя, оставь его, подумаешь, какая-то курица. Теперь ее все равно из него не выколотить.

Тут Жэнь Баолян заплакал:

– Курица тут ни при чем, просто за два с лишним года меня еще никто не навестил.

Прошло два года и восемь месяцев, и Жэнь Баолян вышел из тюрьмы. Первое, что он сделал, это навестил Лю Юэцзиня в его деревне Люцзячжуан. С собой он принес десять отборных цыплят. Спустя пять лет Жэнь Баолян стал подрядчиком на стройплощадке в Пекине. Видеться с Лю Юэцзином они перестали, но письмами обменивались. Прошло еще пять лет, Лю Юэцзинь развелся и, пытаясь пережить тяжелый период, уехал из Лошуя в Пекин, под крыло Жэнь Баоляна, который устроил его на стройплощадке поваром. Если бы Жэнь Баолян не был начальником Лю Юэцзиня, они бы остались друзьями, но теперь, когда один стал руководителем, а другой подчиненным, друзья перестали считаться таковыми. Собственно, Жэнь Баолян мог сказать, что Лю Юэцзинь ему друг, а вот Лю Юэцзинь сказать то же самое про Жэнь Баоляна уже не имел права. Или скажем так: наедине они могли считаться друзьями, а на людях им следовало держать дистанцию. Лю Юэцзинь все это прекрасно понимал, поэтому наедине с Жэнь Баоляном обращался к нему просто «Баолян», а при посторонних тотчас величал его «управляющий Жэнь». Жэнь Баолян, видя такое понимание с его стороны, а также помня о случае с жареной курицей, хоть и знал про махинации Лю Юэцзиня, смотрел на них сквозь пальцы. Но как-то раз Лю Юэцзинь напился, а рабочие, составлявшие ему компанию, стали перемывать кости Жэнь Баоляну. Рабочие есть рабочие – у них всегда будет иметься зуб на подрядчика, а вот Лю Юэцзиня словно подменили. Если раньше он, прежде чем что-то сказать, думал головой, то сейчас, хватив лишнего, потерял над собой всякий контроль и присоединился к сплетникам; язык у него развязался и молот без остановки. Тогда-то он и рассказал, что Жэнь Баолян десять с лишним лет назад сидел в лошуйской тюрьме, вспомнил и про случай с жареной курицей. Все эти разговоры дошли до ушей Жэнь Баоляна. Вообще-то, он не стыдился своего прошлого, а иногда даже подначивал: «Да я, твою мать, за решеткой сидел, так что мне теперь никакие выродки не страшны!». Но то, что позволено говорить о себе человеку самому, не позволено говорить другим. Более того, что позволено говорить другим, не позволено Лю Юэцзиню. Так что этот случай окончательно разорвал их дружбу. Сначала Жэнь Баолян хотел было вообще прогнать Лю Юэцзиня, да только совесть его останавливала. Тогда он, не подав виду, оставил Лю Юэцзиня работать, как прежде, на кухне, но ходить за покупками запретил. Он надеялся, что Лю Юэцзинь сам поймет, что ловить ему здесь больше нечего, и уйдет. Очень кстати у Жэнь Баоляна объявилась племянница, которая, окончив школу не смогла поступить в университет и теперь тоже приехала из Цанчжоу в Пекин, надеясь на помощь Жэнь Баоляна. Тот тут же пристроил ее в столовую и обязал ходить за продуктами. Лю Юэцзинь понимал, что виной всему была лишь одна его фраза, сказанная под градусом. Он тоже хотел уйти, потому как при сложившихся обстоятельствах общаться с Жэнь Баоляном ему было невыносимо. Однако в Китае, где дефицит всего, кроме людей, взять и быстро найти другое рабочее место не так-то просто. Другими словами, устроиться разнорабочим на стройплощадке – это пожалуйста, а вот поваром на кухне – куда сложнее. Поэтому хоть вся эта ситуация и напрягала Лю Юэцзиня, он решил сначала найти место, а потом уже уходить. Племянницу Жэнь Баоляна звали Е Лянъин. В отличие от худосочного Жэнь Баоляна, Е Лянъин была толстушкой и в свои девятнадцать весила сто пять килограммов. Вдобавок

при такой комплекции у нее не наблюдалось никаких женских форм. Е Лянъин с радостью приступила к своим обязанностям. С утречка пораньше она садилась на велосипед с тележкой и, вихляя задом, отправлялась на рынок за продуктами. Стоимость каждой покупки она аккуратно записывала, учитывая все, будь то лук или чеснок. Спустя месяц она исписала две толстых тетради. Но откуда ей было знать, как следует вести дела на рынке? В результате обнаружилось, что Е Лянъин за прошедший месяц потратила на продукты на две тысячи больше, чем тратилось раньше, что, впрочем, не отразилось на качестве питания. Когда в конце месяца настала пора подводить счета, Е Лянъин вручила Жэнь Баоляну свои тетради, а тот разорвал их в клочья и, бросив на пол, сказал:

– Следует признать, что ты – честный человек. – Следом он вздохнул: – Но лучше бы ты воровала.

Жэнь Баолян сместил Е Лянъин и отправил на кухню подогревать пампушки да готовить рис, а покупку продуктов снова возложил на Лю Юэцзиня. Но тот вдруг стал набивать себе цену и с кислой физиономией заметил:

– Управляющий Жэнь, у меня уже возраст не тот, что бы бегать по лавкам. – Сказав это, он добавил: – Так что лучше не серчайте на свою племянницу.

Такое поведение взбесило Жэнь Баоляна:

– Лю Юэцзинь, ты поймел меня, я – тебя, кончай уже свой выпендрей, а то доиграешься, и я пошлю тебя ко всем чертям!

Только тогда Лю Юэцзинь сел на велосипед с тележкой и, посмеиваясь в душе, поехал на рынок.

Глава 3. Хань Шэнли

Лю Юэцзинь задолжал Хань Шэнли три тысячи шестьсот юаней. И случилось это тоже по пьянке. Пока Лю Юэцзиню не стукнуло сорок, он никогда не имел обыкновения разговаривать сам с собой, но когда он разменял пятый десяток, у него это вошло в привычку. Бывало, строгаёт он что-нибудь на кухне или идет по улице, или раздевается, чтобы бухнуться в постель, как вдруг раз – и скажет что-нибудь. Потом встрепетается, начнет осмысливать, что к чему, тут и вспомнятся ему неприятности. Ведь все его высказывания были отголосками каких-нибудь терзаний. Приятные события у него такого отклика никогда не находили. Например, последние несколько месяцев Лю Юэцзинь часто повторял: «Больше ни капли в рот не возьму». До наступления марта у Лао Хуана, что торговал на рынке свиными шеями, вышла замуж дочь. Этот Лао Хуан, кроме свиных шей, также продавал свиные потроха типа сердца, легких, кишок и так далее. В других лавках, где ставку делали на продажу мяса, свиные шеи и потроха считались сопутствующими товарами. А Лао Хуан мяса вообще не продавал, что делало его товар дешевле, чем у других. Поэтому Лю Юэцзинь за свиными шеями ходил именно к нему. Через какое-то время они сдружились, Лю Юэцзинь, покупая шею, стал потом по-свойски добавлять к покупке несколько кишок и укладывать к себе в тележку. Лао Хуан не возражал. Иной раз, уже отоварившись, Лю Юэцзинь усаживался с ним поболтать, против чего Лао Хуан также не возражал. Когда у дочери Лао Хуана была свадьба, Лю Юэцзинь пришел с подарком и посидел за праздничным столом. Кушать он много не кушал, а вот с выпивкой снова перебрал. Рядом с ним за столом оказалась жена У Лаосаня – торговца куриными шеями. Лю Юэцзинь часто покупал куриные шеи, поэтому взял за правило ходить в лавку У Лаосаня. Так же, как и Лао Хуан, У Лаосань не продавал куриного мяса, делая ставку лишь на куриные шеи и хребты. Заходя в лавку У Лаосаня, Лю Юэцзинь частенько шутил с его женой. Оба супруга родились на северо-востоке, где женщины славятся пышной грудью.

– Гляди-ка, – шутил Лю Юэцзинь, – снова разбухла, надо бы попить молочка.

– Назовешь мамой, покормлю, – отвечала жена У Лаосаня.

У Лаосань, который рядом обдирает куриные шеи, обычно посмеивался и разговоров этих не пресекал. Вот и сейчас, оказавшись рядом за одним столом, Лю Юэцзинь и жена У Лаосаня разбавляли свою трапезу разнообразными шуточками. Сначала Лю Юэцзинь давал волю только своему языку, но когда поддал, забылся и, пустив в ход свои руки, ущипнул жену У Лаосаня за грудь. Та в ответ залилась звонким смехом, и тогда сидевший напротив У Лаосань не стерпел. Если бы сам У Лаосань не выпил лишнего, то ничего бы и не случилось, но поскольку он тоже был поддатый, выходка Лю Юэцзиня его взбесила, и он прямо через стол запустил в него тарелкой с блюдом, угодив тому точно в физиономию. Если бы Лю Юэцзинь не выпил лишнего, он осознал бы свою вину и сдержался, но сейчас он попросту забылся и, смахнув с себя остатки еды, схватил со стола суп из куриных шей и окатил им У Лаосаня. Тот рассвирепел, выхватил у Лао Хуана мясницкий нож и, перемахнув через стол, ринулся на Лю Юэцзиня, который со страха тут же протрезвел. Народ вцепился в У Лаосаня, но это лишь прибавило ему сил:

– Не держите меня, не того схватили, я ведь уже не день и не два терплю все это!

Потасовка растянулась на весь вечер, куда Лао Хуан их не урезонил, и они не сторговались меж собой. В итоге Лю Юэцзиню надлежало заплатить У Лаосаню три тысячи шестьсот юаней, так называемую плату за свинство. При себе у Лю Юэцзиня такой суммы не оказалось, тогда его земляк Хань Шэнли снял в банке со своей карты три тысячи триста юаней и одолжил эти деньги Лю Юэцзиню под три процента. Когда, наконец, набрали три тысячи шестьсот юаней и передали их У Лаосаню, буря улеглась. Вот тебе и ущипнул за грудь – да ладно бы трезвым был, а так мало того, что никакого удовольствия не получил, еще и таких

денег лишился. Протрезвев к полуночи, Лю Юэцин сначала испытал угрызения совести, а потом вдруг рассердился на У Лаосаня: «С уличной девкой переспать и то восемьдесят юаней стоит, а тут едва тронул за не самые сокровенные места и нате вам – три тысячи шестьсот юаней! За сестру собственную столько не предлагают!» Потом он стал злиться на продавца свиных шей и потрохов Лао Хуана, ведь это он предложил сговориться на такой сумме: «Воспользовался моим состоянием и нагрел на мне руки, разве это по-людски?» С тех пор оба мясника переехали со своими лавками в другое место. После того, как Лю Юэцин уладил дела с мясниками, у него начались проблемы с Хань Шэнли. Когда тот одолжил ему деньги, они договорились о трех процентах и о том, что долг будет возвращен через три дня. На сегодняшний момент прошло уже три месяца, а Лю Юэцин не возвратил ни копейки. Обычно долг не отдают или из-за отсутствия денег, или из принципа. Лю Юэцин относился к первой категории, а Хань Шэнли относил его ко второй. Уже несколько раз Хань Шэнли и так и сяк пытался выяснить с ним отношения:

– Нельзя делать людям добро: как сделаешь, так друзья превращаются во врагов, – качал он головой.

Итак, превратившись во врага, Хань Шэнли отбросил всякие церемонии и стал в открытую выбивать из Лю Юэцина долг. Сначала он приходил к нему раз в неделю, потом каждый вечер. Тогда и Лю Юэцин сменил тактику: теперь он уже не отрицался, что у него нет денег или что он их не вернет, а просто все сваливал на Жэнь Баоляна:

– Деньги имеются, – говорил он, – да только они у Жэнь Баоляна, это он задерживает зарплату, я-то тут при чем? – Или: – Иди к Жэнь Баолян, если он выплатит мне деньги, я их тут же верну тебе.

Хань Шэнли не знал, плакать ему или смеяться.

– Ты малость попутал: ведь это ты мне задолжал, почему я должен искать какого-то Жэнь Баоляна?

Сегодня Хань Шэнли пришел снова, но не вечером, а в обед. До этого он обычно заявлялся в костюме, купленном на ближайшем ночном рынке, где «все по двадцать» или «по тридцать» – в общем, в секонд-хенде неизвестного происхождения. Но сейчас вместо костюма на нем была испачканная кровью футболка, штаны, тоже в крови, а на голове красовалась повязка. Лю Юэцин в это время как раз стоял на раздаче в столовой; в помещении сотни рабочих шумно опустошали палочками пластиковые коробочки. Хань Шэнли, не церемонясь, пробился сквозь толпу к самому окошку и заорал:

– Лю Юэцин, если сегодня же ты не вернешь мне долг, я тебя в порошок сотру!

Лю Юэцин, увидав, что он весь в крови, забеспокоился:

– Это что-то новенькое!

Рядом с Лю Юэцином на раздаче риса стояла племянница Жэнь Баоляна, Е Лянъин. Лю Юэцин вручил ей свой черпак и направился вон из столовой, увлекая за собой Хань Шэнли. Наконец он усадил его на мотки проволоки и, пристроившись рядом, сказал:

– Что ж ты меня публично из-за этих денег позоришь? Если тебе самому все равно, то мне – нет.

Хань Шэнли, схватив себя за футболку, запричитал:

– Из-за тебя меня избили.

– Кто? – удивился Лю Юэцин.

– Тебя это не касается, просто я тоже задолжал.

Пристально посмотрев на Лю Юэцина, он добавил:

– Мне есть чему у других поучиться, пока я тут с тобой сюсюкаюсь, меня самого чуть на тот свет не отправили.

Лю Юэцзинь знал, что Хань Шэнли время от времени промышлял воровством, поэтому он догадался, что избили его, скорее всего, за какую-нибудь кражу. Между тем Хань Шэнли, показывая на свою перевязанную голову сказал:

– Мне в больнице восемь швов наложили и взяли за это сто семьдесят юаней, которые, считай, теперь тоже висят на тебе.

Лю Юэцзинь зажег сигарету и решил перевести разговор на другую тему:

– Шэнли, нам ли сводить счета друг с другом? Ты лучше вспомни, кто тебя горячей лапшой отогревал, когда восемь лет назад, еще до переезда сюда, тебя в метель мачеха из дома выгнала.

– Если все это вспоминать, так я тебя должен дядюшкой своим величать. Ты мне про это уже тысячу раз говорил, пора уже и меру знать. Короче, дядюшка, я тоже в переплет попал. Возвращай деньги!

– Да у меня правда их нет, дай мне еще несколько дней.

Хань Шэнли огляделся по сторонам и ткнул пальцем в мотки проволоки под своей задницей:

– На стройке имеется и проволока, и кабель, утащишь ночью – и делу край.

Лю Юэцзинь, не раскусив до конца Хань Шэнли, порывисто вскочил со своего места:

– Шэнли, меня лично не колышет, чем ты там целыми днями занимаешься, но я вором становиться не хочу.

Заметив, что Хань Шэнли снова начинает закипать, Лю Юэцзинь и сам заартачился:

– Разве это нормально – толкать на такие дела? Да ты меня просто под нож подставляешь!

Хань Шэнли в ответ заорал:

– Денег у него нет, воровать он не желает! А как ты собираешься выкручиваться?

В этот момент из-за угла показалась группа отобедавших рабочих. Лю Юэцзинь схватил Хань Шэнли за руку и вполголоса попросил:

– Три дня, дай мне еще три дня.

Глава 4. Лю Пэнцзюй

Разменяв пятый десяток, Лю Юэцзинь не только стал разговаривать сам с собой, но еще и постиг одну истину: на свете существует две категории людей – толковые и бестолковые. К последней относятся те, кто своим же языком себя загоняет в угол. Казалось бы, какая-то фраза, а связать может по рукам и ногам. Взять того же Лю Юэцзиня. В некоторых делах он очень даже смыслил. К примеру, он прекрасно мог управляться в столовой, зная, что именно приготовить: тушеную морковь с капустой или тушеную капусту с морковью, добавить ли туда мяса, и если да, то сколько. Точно таким же был его дядя Ню Дэцао, работавший когда-то поваром в тюрьме. Но стоило Лю Юэцзиню или Ню Дэцао выйти за пределы своего рабочего места, они тут же становились совершенно бестолковыми. Язык свой и тот контролировать не могли. Но одно дело – пустая брехня, а другое – дурацкое бахвальство, последствия которого нужно осознавать. Если повезет, то свои слова удастся оправдать, а если нет, то проблемы будут расти, как снежный ком, и дело примет уже совсем другой оборот. Но ведь так приятно бывает произвести впечатление, это так тешит самолюбие.

У Лю Юэцзиня был сын Лю Пэнцзюй, который в настоящее время учился в старших классах в родном уездном центре. Ради него Лю Юэцзинь когда-то и пошел ва-банк. Сначала, войдя в раж, он чувствовал себя на коне, однако потом, когда одна-единственная фраза обернулась тяжеленным ярмом на шесть лет, ему стало не до смеха. Если бы не сын, Лю Юэцзинь не стал бы вести себя подобным образом: имея деньги, брать их в долг у Хань Шэнли, да еще и не возвращать. До того как Лю Юэцзиню исполнилось сорок лет, он был честным и прямодушным. А как стукнуло сорок, он частенько спрашивал сам себя: «Как я мог докатиться до такого?»

Шесть лет назад Лю Юэцзинь развелся. Жену его звали Хуан Сяопин. До развода Лю Юэцзинь работал поваром в уездном ресторане «Счастливый знак», где готовил и основные блюда, и гарниры. Отработав год, он при первом удобном случае попросил хозяина устроить в ресторан свою жену, Хуан Сяопин, в качестве уборщицы и официантки. Лю Юэцзинь как повар зарабатывал в ресторане семьсот юаней в месяц, а Хуан Сяоцин – всего триста. На западной окраине уездного города Лошуй находился винный завод, хозяином которого являлся Ли Гэншэн. Лю Юэцзинь учился вместе с ним в начальной школе. В те времена в их классе училось пятьдесят шесть ребят, и Ли Гэншэна считали самым никчемным. Бывало, если кто-то из мальчишек с кем-нибудь дрался и проигрывал, он потом просто срывал свой гнев на Ли Гэншэне. Все его мутузили, и Ли Юэцзинь не был исключением. Поскольку Ли Гэншэн был высоким, ему дали кличку «Тупая каланча». Никому тогда и в голову не могло прийти, что спустя тридцать лет эта Тупая каланча станет генеральным директором «Тихоокеанской винно-водочной компании». И пусть это был всего лишь небольшой винно-водочный завод в уездном городе провинции Хэнань, он ежедневно производил не только водку «Сяоцзибэн», но еще и «Маотай». И если та же «Сяоцзибэн» стоила два с половиной юаня, то «Маотай» – триста восемьдесят. Так что бывший размазня спустя тридцать лет поднабрался дерзости. Как-то раз Ли Гэншэн вместе с друзьями пришел в ресторан «Счастливый знак» и, узнав от официантки, что она жена Лю Юэцзиня, попросил вызвать его из кухни и присоединиться к банкету. За разговором друзья Ли Гэншэна спросили, сколько зарабатывает жена Лю Юэцзиня в ресторане. Узнав, что ее месячная зарплата составляет всего триста юаней, Ли Гэншэн тотчас предложил устроить ее фасовщицей «Маотая» на свой завод, где за такую работу платили по шестьсот юаней. Разумеется, что и Лю Юэцзиня, и Хуан Сяоцин такое предложение очень обрадовало. А Ли Гэншэн только усмехнулся:

– Предлагаю именно потому, что в детстве меня избивал.

Все посмеялись, а на следующий день Хуан Сяоцин уволилась из ресторана «Счастливый знак» и устроилась фасовщицей в «Тихоокеанскую винно-водочную компанию». Весной следующего года Хуан Сяоцин повысили и перевели в отдел сбыта, после чего она стала часто разъезжать с Ли Гэншэном по Китаю и продвигать продукцию. Дело это оказалось прибыльным, и теперь за месяц Хуан Сяоцин могла заработать полторы тысячи юаней, что намного превышало доходы Лю Юэцзиня, который продолжал работать поваром. Поначалу Лю Юэцзинь рассматривал это как одолжение ему со стороны Тупой каланчи, поэтому при встрече участливо благодарил его: «Спасибо тебе, брат! Знай, что я очень ценю твое участие». Однако скоро уже весь уездный город обсуждал отношения Ли Гэншэна и Хуан Сяоцин. Всем уже давно все было ясно, и только Лю Юэцзинь оставался в полном неведении. На пропускной «Тихоокеанской винно-водочной компании» работал охранник Чжан Сяоминь, который приходился Ли Гэншэну племянником от старшей двоюродной сестры; собственно, только из-за родственных связей он и получил эту работу. Как-то раз в конце декабря Ли Гэншэн был на одном банкете. Засидевшись там до поздней ночи, он уже совсем пьяный вернулся на завод. В этот же вечер у Чжан Сяомина прошла встреча с одноклассниками, где он тоже поддал за компанию, и теперь, явившись на работу, отсыпался. Сколько ни звал Ли Гэншэн охранника, никто не откликался. Между тем началась метель, пьяный Ли Гэншэн продрог на ветру. Все его попытки вызвать охранника оказались напрасными. Тогда он перелез через ворота, пинком вышиб дверь проходной и схватил лежавшую на столе дубинку. Обычно эту дубинку Чжан Сяоминь во время своих дежурств крепил себе на пояс, чтобы походить на полицейского. Пьяный Ли Гэншэн, потеряв над собой контроль, ринулся к спящему на кровати Чжан Сяоминю. В прошлом забитый Ли Гэншэн уже давно научился первым бросаться на людей. Орудия дубинкой, он задел висевшее над кроватью зеркало, осколок которого угодил прямо в лицо Чжан Сяоминю. Увидав, что Чжан Сяоминь сильно поранился, Ли Гэншэн не унимался. Плонув в его окровавленную физиономию, он закричал:

– Твою мать, заботишься о тебе, а ты хуже собаки!

С этими словами он отбросил дубинку и вышел вон. Чжан Сяоминь обычно терпеливо сносил такое отношение к себе. Спустя полмесяца рана на его лице затянулась, но шрам на левой щеке остался. Когда из-за этого шрама с Чжан Сяоминем рассталась девушка, он разозлился. Как-то в полдень, когда Лю Юэцзинь трудился в ресторане, к нему на кухню забежал Чжан Сяоминь и что-то шепнул на ухо. Лю Юэцзинь тотчас отложил свой черпак и взбодороженный побежал следом за Чжан Сяоминем в «Тихоокеанскую винно-водочную компанию». Влетев в кабинет Ли Гэншэна, он застучал его и свою жену Хуан Сяопин лежащими на диване голыми. Подлетев к Ли Гэншэну, Лю Юэцзинь ударил его. Тот терпеливо снес первую волну нападения, но потом разозлился и ударил Лю Юэцзиня в ответ. Чжан Сяоминь, увидав драку, убежал. Хуан Сяопин тоже не стала их разнимать, а просто оделась и ушла. Исход сражения одетого Лю Юэцзиня с раздетым Ли Гэншэном оказался не в пользу первого. С тех пор как они учились в школе, Ли Гэншэн сильно изменился; выиграв битву, он уселся голым задом на стул и, закулив, сказал: «Раз такое дело, иди и подай на меня в суд!»

Печальная история о загулявшей жене и о том, как застуканный на месте преступления любовник избил ее мужа в мгновение ока превратилась в ходячий анекдот. Некоторое время этот анекдот был в уездном городе у всех на устах. Когда-то в школе Ли Гэншэна считали размазней, а сейчас в его шкуре оказался Лю Юэцзинь. Когда обижают в школе, это менее обидно, чем когда спят с твоей женой. На следующее утро Лю Юэцзинь уже вместе с группой поддержки снова заявился в «Тихоокеанскую винно-водочную компанию». Но Ли Гэншэн вместе с Хуан Сяоцин уже укатил в командировку на Хайнань. Не застав его на месте, Лю Юэцзинь рванул в цех, где со своими товарищами перебил все бутылки. Водка «Маотай» лилась рекой. Лю Юэцзинь не то чтобы осознанно срывал свою злость, скорее, он действовал в состоянии аффекта. Всю ночь, лежа в кровати, Лю Юэцзинь силился понять ситуацию. Его удручало даже

не то, что его жена гуляла на стороне, пока он целый год оставался в неведении, а то, что эти двое вообще могли сойтись. Он еще мог как-то объяснить, почему его жена сблизилась с Ли Гэншэном, с ее стороны это, можно сказать, была любовь по расчету. Но что за блажь нашла на Ли Гэншэна? Ведь красотой Хуан Сяопин не отличалась: узкие глаза, плоское лицо, усыпанный веснушками нос, да и молоденькой ее уже не назовешь. Лю Юэцзинь не находил в ней ничего привлекательного, неужели Ли Гэншэн не мог выбрать себе другую пассию? Может, он просто хотел таким образом скомпрометировать Лю Юэцзиня? Может, это была месть за школьные обиды? Но в школе Ли Гэншэна многие обижали, неужели теперь он собирается переспать с женами всех своих обидчиков? Надолго ли тогда его хватит? Этот случай совсем сбил Лю Юэцзиня с толку. Попытки докопаться до истины совершенно его измучили. Не в силах разобраться с этим в одиночку, Лю Юэцзинь обратился к своему проверенному другу. Этим самым другом был не кто иной, как Лао Ци, который около ресторана «Счастливый знак» держал лавку с лепешками. На вопрос Лю Юэцзиня Лао Ци, переворачивая на сковороде лепешки, масляной рукой почесал в затылке и ответил: «Да, я тоже этого понять не могу». Тогда Лю Юэцзинь обратился к другим проверенным друзьям, но и они тоже затруднялись с ответом; единственное, все находили Лю Юэцзиня каким-то странным и беспокоились о его душевном состоянии. Но сам Лю Юэцзинь считал себя как никогда нормальным. В конце концов он перестал приставать к друзьям со своими вопросами и позвонил напрямую Ли Гэншэну. Тот после Хайнаня уже успел вместе с Хуан Сяопин съездить в Гуанчжоу и Шанхай, а звонок Лю Юэцзиня застал его в Сиане. Он не сразу взял трубку, надеясь, что Лю Юэцзинь звонит ему по другому делу, но, услышав его вопрос, даже растерялся. Однако он не стал уваливать и прямо ответил: «Ни в каких своих целях я Хуан Сяопин не использовал, мне просто понравилась ее ладная талия – она легко уместается в ладонях». В висках Лю Юэцзиня застучало. Он тринадцать лет жил вместе с Хуан Сяопин и никогда не замечал ее уникальной талии. Это его расстроило даже больше, чем то, что с его женой переспали. А Ли Гэншэн, в отличие от Лю Юэцзиня, оценил талию Хуан Сяопин, вот поэтому-то у него с ней все и сложилось. Положив трубку, Лю Юэцзинь иначе посмотрел на все свои сорок два года жизни. Однако он не мог поделиться этим с торговцем лепешками Лао Ци или другими своими друзьями. Иначе он стал бы героем еще одного анекдота.

С тех самых пор Лю Юэцзинь начал пить. При этом он сразу пьянел и становился сам не свой. Когда Лю Юэцзинь был под градусом, он радовался, как дитя, и забывал обо всем. Но когда он приходил в себя на следующий день, ему вдруг становилось горько до слез. Однако и выплакаться у него не получалось, поэтому он просто впадал в ступор. Невеселые думы вдруг натолкнули его на мысль о самоубийстве. Лю Юэцзинь решил сделать это вовсе не из-за измены жены и не из-за своего прозрения касательно прошлой жизни. Именно это самое прозрение скрутило его так, что он больше не мог жить как прежде. Раньше его очень пугали вести о чьем-нибудь самоубийстве, а теперь, когда он думал об этом сам, его это отнюдь не страшило. Существует множество способов отправиться на тот свет: можно отравиться, порезать вены, утопиться или намеренно ударить себя током, но Лю Юэцзинь видел себя исключительно с веревкой на шее. Стоило ему только представить как веревка касается шеи, и она тотчас начала чесаться, а в груди сладко екало. Иногда во сне Лю Юэцзинь вскрикивал: «Люди, дайте мне веревку!» Но как бы ни привлекали Лю Юэцзиня мысли о самоубийстве, он все-таки этого не сделал. Нельзя сказать, что ему было слабо, просто он думал о сыне. Хуан Сяопин после случившегося тоже стала о нем думать. Их сыну тогда исполнилось двенадцать лет. Учитывая поведение Хуан Сяопин, народ стал сомневаться в ее верности мужу в прошлом, а посему стали возникать вопросы, от кого у нее появился сын. Тогда Лю Юэцзинь вместе с сыном отправился в уездную клинику, где они сдали анализ на ДНК. Результат подтвердил их родство. Спустя три месяца Лю Юэцзинь и Хуан Сяопин развелись. Во время развода Хуан Сяопин намеревалась

оставить сына себе, но Лю Юэцин сказал, что лучше забьет его до смерти, чем отдаст его ей. Хуан Сяоцин, признавая свою вину, не стала настаивать, лишь оговорила формальности:

– Ты будешь его воспитывать, а я – ежемесячно выплачивать алименты.

Лю Юэцин, вне себя от злости, не подумав, выпалил:

– У потаскухи даже деньги воняют! Пусть мы с сыном лучше по миру пойдем, но твоих вонючих денег не возьмем!

Лю Юэцин так распалился, что даже Лао Ху, оформлявший развод, одобрительно поднял вверх большой палец. Лю Юэцин тогда явно дал маху, и только через шесть лет он осознал, чего лишился. Брошенная им фраза обернулась таким ярмом, что он не мог разогнуться. В то же время он осознал насколько нелогичными были его решения. Раз уж ты признал те деньги вонючими, то к чему было требовать шестьдесят тысяч с Ли Гэншэна, чтобы уладить дело? Деньги есть деньги, и в этом смысле, как говорится, не пахнут. Так что Лю Юэцин здесь явно просчитался.

Глава 5. Янь Гэ

Янь Гэ был генеральным директором «Восточно-азиатской корпорации развития недвижимости». Родился он в деревне под Лилином, что в провинции Хунань. И до тридцати лет, и после, когда все его приятели уже располнели и с трудом проходили в двери, Янь Гэ неизменно оставался поджарым. До тридцати двух лет Янь Гэ жил в нищете; родители его были простыми крестьянами, а Янь Гэ поступил в университет и переехал в Пекин. Все нормальные люди питались три раза в день, а студент Янь Гэ ел лишь два раза, да и то неполноценно: в обед покупал какие-нибудь тушеные овощи, но съедал только половину, а на ужин довольствовался одним лишь рисом и остатками обеда. Окончив университет, Янь Гэ десять лет не мог выбиться в люди и сменил за это время семнадцать компаний. В тот год, когда ему исполнилось тридцать два, он встретил своего благодетеля. Когда у человека в жизни сплошная черная полоса, кажется, конца и края ей не будет, но белая полоса всегда начинается внезапно. Рассказывая историю своего обогащения, Янь Гэ часто вспоминал Гао Цю⁷, жившего при династии Сун. Но кое-чем он, разумеется, от него отличался. С тех пор как в жизни Янь Гэ появился благодетель, прошло уже больше десяти лет. И если раньше Янь Гэ был бедняком без гроша в кармане, то теперь он превратился в миллиардера. При этом в университете он не изучал ни инвестиций, ни строительства, ни экономики, ни даже финансов. Он изучал этику. Но сделать ее своим хлебом у Янь Гэ не получилось, и тогда вместо преподавания он занялся строительством домов. Детские наблюдения в ту пору, когда он жил в деревне, помогли Янь Гэ стать представителем высшего общества. Теперь на рекламных щитах Четвертого кольца красовались постеры, с которых он взирал на свою недвижимость и земельные владения. Каких только метаморфоз в мире не происходит! Пока Янь Гэ нищенствовал, то предпочитал молчать о своем прошлом, зато теперь, когда он вспоминал голодные студенческие годы, все вокруг начинали смеяться и называть его юмористом.

Вместе с богатством у Янь Гэ появилось множество проблем. Эти проблемы не касались финансов, а были связаны с его кругом общения. Перешагнув сорокалетний рубеж, Янь Гэ обнаружил два серьезных изменения в жизни Китая. Во-первых, народ чем больше жрал, тем больше жирел, а во-вторых, люди становились все более мелочными. Полных людей принято считать добряками, а не: полнота, напротив, располагает к мелочности. Но сама по себе мелочность еще полбеды, а вот если к ней добавить упрямство, то человек превращается в тирана и самодура. В компании таких вот тиранов и самодуров и оказался Янь Гэ. Но одно дело, когда речь идет просто о друзьях и знакомых, а вот когда начинает жиреть, наглеть и самодурствовать твоя собственная жена – это уже слишком. Жену Янь Гэ звали Цюй Ли. До тридцати лет она была стройной и интеллигентной, а потом ее разнесло, и она превратилась в склочную спорщицу. Будучи супругой генерального директора, состояние которого оценивалось в миллиард с лишним юаней, она из-за прически могла перессориться со всеми салонами красоты в округе. Говоря о жене, Янь Гэ вздыхал: «Почему китайцы не понимают юмора?» Раньше он считал, что юмор – это манера общения, а потом понял, что это все-таки черта характера. Человек с чувством юмора и человек без него – два совершенно разных существа. Однако удивительно, что люди, лишённые чувства юмора, способны создавать смешные вещи. Достаточно выйти за порог, и вы увидите, как эти «юмористы» преобразили наш мир: обычные бани теперь называются «СПА-комплексами», рестораны – «деликатесными центрами», цирюльни – «салонами красоты», даже шлюх из ночных клубов сначала называли «барышнями», а теперь стали величать «принцессами». Прогуливаясь по улицам, Янь Гэ чувствовал,

---

⁷ Гао Цю (?–1126) – пользующийся дурной славой военачальник и сановник конца периода Северная Сун (960–1127), возвысившийся благодаря случайному стечению обстоятельств.

что относится к меньшинству. Но что делать: жизнь заставит – и шутить научишься. Когда его представляли кому-либо, то называли генеральным директором «Восточно-азиатской корпорации развития недвижимости». В ответ Янь Гэ отмахивался: «Чего выдумали, я обычный строитель». Когда хвалили его подтянутую фигуру и здоровый образ жизни, он отвечал: «Да я рад бы потолстеть, только не с чего». Когда говорили, что у него крупный бизнес и что в Пекине он выстроил чуть ли не половину всех домов, он качал головой: «Потаскали бы вы кирпичей с раствором да вкусили все прелести такой жизни, тогда бы так не шутили».

Янь Гэ считали юмористом. Но сам он шутить постепенно перестал. Жизнь без юмора не то чтобы стала хуже, просто раньше Янь Гэ страдал именно из-за своих шуточек. Все его жирные мелочные приближенные, как в жизни, так и на работе, готовы были перегрызть друг друга глотки. Известно, что вода закипает при ста градусах, а замерзает при нуле, но у приближенных Янь Гэ температура закипания и замерзания была одной и той же – пятьдесят градусов. Поэтому любую шутку они всегда могли переиначить и извратить в своих интересах. Одна и та же фраза, сказанная в другое время, в другом месте и с другим настроением, тут же обретала совершенно иное звучание и загоняла Янь Гэ в тупик. Словесные игры куда страшнее, чем просто ссора с друзьями, и напрягали гораздо больше, чем нищета и невезение. Янь Гэ сокрушался: «Раз не дают мне шутить, значит, придется этого не делать». После сорока Янь Гэ вдруг понял, как сильно он изменился: если до сорока ему нравилось шутить, то, перешагнув этот рубеж, он стал настолько серьезным, что старался вообще не допускать шуток. Постепенно у него к ним возникла даже какая-то неприязнь. Если с ним начинали шутить подчиненные, он хмурился и просил: «Нельзя ли посерьезнее?» Если шутили друзья, то он, никак не реагируя на их шутки, продолжал солидно вести разговор дальше. Другими словами, после сорока Янь Гэ стал практически таким же, как все, разве что не наел жирка. Да, ему не нравилось общаться со своим окружением, но его статус требовал этого общения. Рано или поздно это приводит к взрыву: когда общение, словно разговор с вечно жалующейся на свои болячки женой или набившая оскомину житуха, становится все больше похожим на заржавевший мотор, который давно уже пора смазать. Но где же взять эту смазку?

Под началом «Восточно-азиатской корпорации развития недвижимости» работало десять с лишним строительных площадок, и к каждой из них был приставлен свой бригадир-подрядчик. Одним из таких подрядчиков был Жэнь Баолян. Янь Гэ общался не только с толстопузами, также он часто посещал стройплощадки, где среди рабочих толстяков вообще не наблюдалось. Откуда только не приезжали эти рабочие: из провинций Хэбэй, Шаньси, Шэньси, Аньхой, даже из провинции Хэнань. Разговор с толстопузами казался Янь Гэ невыносимо приторным, зато на стройплощадке, где в один голос говорили выходцы из всех уголков страны, он по-настоящему отводил душу. Хоть рабочие и питались морковкой да капустой, однако оптимизма не теряли и любую фразу превращали в шутку. Другими словами, именно благодаря им Янь Гэ еще как-то сохранял остатки своего юмора. Приезд директора Яня все подрядчики расценивали как инспекцию. Разумеется, инспекция тоже проводилась, однако для самого Янь Гэ главным было просто побыть в обществе рабочих и расслабиться. Как обычаи сохраняются в глухих уголках, так мудрость живет в народе. Все интересное в жизни толстосумы проели вместе с трепангами и акульими плавниками, остатки смака они могли найти лишь в морковке и капусте. Все-таки прав был председатель Мао, когда говорил, что историю творит народ. Среди десяти с лишним подрядчиков Янь Гэ особенно выделял Жэнь Баоляна, выходца из Цанчжоу провинции Хэбэй. Шуточки, которые тот отпускал, были не только смешными, но и ядреными. В глазах рабочих, которые с ним общались, он выглядел крутым. Янь Гэ же речь Жэнь Баоляна казалась какой-то глупой. Точнее не глупой, а грубой, или даже не грубой, а солдафонской. Но каждым своим высказыванием Жэнь Баолян резал правду-матку. То, что сначала казалось просто смешным, действительно имело место быть. Оказывается, неприукрашенные слова самые смешные. Однажды вечером Янь Гэ приехал к Жэнь Баолян на строй-

площадку, на которой возвышался остов будущего делового центра в пятьдесят с лишним этажей. Мужчины сели в подъемный кран и забрались наверх; перед ними в лучах заходящего солнца как на ладони предстал Пекин.

– Какая красота! – восхищенно выдохнул Янь Гэ.

А Жэнь Баолян, тыча пальцем на кишачий внизу людской муравейник, обронил:

– Самое время для проституток. – Тут же, сплюнув, он ругнулся: – Шлюхи они и есть шлюхи, тоже мне – барышни! – Чуть погода снова добавил: – Директор Янь, а может нам вместо строительства домов лучше бордель открыть? Дело это доходное, да и не пыльное.

Вроде и сказал он это ни к селу ни к городу, черт-те что сморозил, а получилось смешно. Только-только придя на стройплощадку, Янь Гэ был весь погружен в свои заботы, а сейчас он загибался от смеха; все его печали как рукой сняло. В тот вечер его еще ожидал банкет, поэтому на стройплощадке он задержался на целый час. В это время суток площадь Тяньаньмэнь как никогда переливалась сотнями огней. Янь Гэ стал заявляться к Жэнь Баоляну примерно раз в неделю. Он приходил ради разговоров рабочих и Жэнь Баоляна; если же визит Янь Гэ приходился на обед или ужин, то он вместе с подрядчиком шел в местную столовую. Рабочих уже воротило от харчей, которые готовил им Лю Юэцзинь: никакого послевкусия, кроме кислой отрыжки, такая еда не оставляла. А вот Янь Гэ такая кухня нравилась; и пусть на тарелке лежала какая-то размазня, он мог еще и добавки попросить – аж потел от удовольствия. Жэнь Баолян, глядя на него, только вздыхал: «Надо бы революцию устроить: как начнется революция, у вас такая еда каждый день на столе будет».

Янь Гэ снова смеялся.

Как-то днем Янь Гэ в очередной раз пришел на стройплощадку к Жэнь Баоляну и попал на обеденное время. Жэнь Баолян, уставший от столовской еды, обедать не пошел. Вместо этого он купил еду на улице и устроил перекус прямо на ступеньках в своем дворике. Это даже нельзя было назвать двориком – просто отгороженный досками мизерный участок с финиковым деревом в метре с лишним от барака рабочих. Но с другой стороны, что же это еще, если не дворик? Жэнь Баолян купил тушеную курицу с каштанами. Завидев Янь Гэ, который, как догадался Жэнь Баолян, зашел пообедать, он с набитым ртом его поприветствовал: «Подождите-ка, я сейчас отправлю кого-нибудь за порцией для вас».

Однако сегодня Янь Гэ пришел не ради обеда или общения: ему понадобилось «найти одного человека, но не кого-то конкретного, а того, кто смог бы притвориться другим человеком». Выслушав такое сбивчивое объяснение, Жэнь Баолян озадачился:

– Директор Янь, вам это надо для игры в театре?

– Да не в театре, а в жизни.

Жэнь Баолян задумался, а потом усмехнулся:

– А чего тут заморачиваться, в нашей жизни и так одни артисты!

– Что же делать, если с первого раза не удалось сыграть как следует?

После этого он подробно обрисовал Жэнь Баоляну суть своего провала. Когда у Янь Гэ появлялись проблемы, он скрывал их и от пузатого окружения, и от жены, но только не от людей вроде Жэнь Баоляна. А дело было вот в чем: Янь Гэ уже давно сошелся с одной известной певицей, все песни которой посвящались или Родине, или матерям. И Родине, и матерям было очень приятно, а вот саму ее от этих хвалебных песенок уже изрядно тошнило, она даже страдала анорексией. Разумеется, это только фигура речи, но когда гимны льются через край, тошнит уже всех – не только исполнителя, но и слушателей. Эту эстрадную нишу певица заняла для отвода глаз, а сама пустилась во все тяжкие. Ей осточертели и Родина, и матери, она в них нуждалась исключительно для раскрутки. Как-то раз к ней в гости зашел Янь Гэ. Родина с матерями здесь были ни при чем, у них имелись личные интересы. Выполнив постельную программу, певица, решив проводить Янь Гэ, надела темные очки и вышла с ним прогуляться. Они зашли в ближайший переулок, где чинили сапоги, жарили бараньи шашлыки, ремонти-

ровали велосипеды, продавали попкорн, вареную кукурузу и печеный батат – в общем, здесь царил свой особенный мир. Перед тем как распрощаться, певица подошла к одной из лавок и купила печеный батат. И именно в эту минуту в лавке напротив перекусывал журналист из бульварной газетенки. Увидав поп-звезду, он очень удивился, но не растерялся и быстренько ее сфотографировал. Сделай это любой другой человек, никаких бы проблем не возникло, а так уже на следующий день фотографии попали в газету, заняв половину первой полосы. Фотографий было две: на одной была улица, на которой бурлила жизнь и бойко шла торговля; на другой, что располагалась в правом верхнем углу полосы, – крупный кадр с поп-звездой, стоявшей у лавки с печеным бататом. В руке она держала сладкую картофелину, собираясь отправить ее в рот. Внизу красовалась надпись: «Анорексия – очередной миф для раскрутки?» Размещение такого фото в газете ничем не грозило. Пусть бы даже все раскрыли этот миф, все это так или иначе поднимало рейтинг певицы. Как говорится, чем чаще блюдо переворачиваешь, тем быстрее оно готовится. Однако проблемой стало то, что справа позади нее виднелась фигура Янь Гэ. На этом фото он выглядел таким истощенным, точно анорексией страдал именно он. Попадание на страницы газет Янь Гэ не смущало, он и сам размещал себя на рекламных щитах по всему Четвертому кольцу. Но на фото в газете он был не один, рядом с ним оказалась известная певица, и вот это создавало огромную головную боль. Хотя баннеры с Янь Гэ и украшали Четвертое кольцо, но на его популярности это не отражалось. Однако на этот загвоздка состояла в том, что Янь Гэ узнала его собственная жена Цюй Ли. Она уже давно подозревала его в любовных связях на стороне, а тут еще это фото в газете – где взять доказательство лучше? Цюй Ли на прошлой неделе улетела в Шанхай к матери, но сегодня вечером она возвращалась в Пекин. Эта газета могла попасть к ней в руки в любое время. И если Цюй Ли, которая всякий раз устраивала скандалы из-за прически, увидит Янь Гэ вместе с другой женщиной, она ее сразу зарежет. К тому же у Цюй Ли имела особенность: прежде чем хвататься за нож, она проводила собственные расследования. А ее расследования убивали без ножа. Учитывая эту ее особенность, было логично предположить, что, увидав фото в газете, она непременно заявится на место преступления. Чтобы обвести жену вокруг пальца, Янь Гэ намеревался несколько видоизменить как место, так и произошедшие там события. Предполагалось, что когда Цюй Ли сунется туда со своей проверкой, «свидетели» скажут, что Янь Гэ и та певица ходили порознь, и что их совместное попадание в кадр – не более чем случайность. Кто знает, вдруг такая подтасовка поможет Янь Гэ выйти сухим из воды? В том переулке размещалось десять с лишним лавок. Янь Гэ как следует отрепетировал нужные ответы с каждым из торговцев. Но один из них, анхоец, что продавал вареную кукурузу, постоянно запинаясь, рискуя провалить все дело. Поэтому на его место требовалась замена. Следовало найти похожего на него человека, что было возможно лишь на стройплощадке, поэтому Янь Гэ и пришел к Жэнь Баоляну. В общем, рассказывая все это, Янь Гэ уже выбился из сил, а Жэнь Баолян все не врубался в ситуацию. Он тут же спросил:

– А вдруг она вообще не увидит эту газету? Не зря ли мы все это затеваем?

– Не увидит сама, так ей обязательно подскажут. Таково ее окружение.

Янь Гэ уже как-то делился с Жэнь Баоляном своей теорией относительно морального облика «толстопузов», поэтому тот его намек сразу понял, хотя и заметил:

– Сколько мороки. Коснись такое меня, я бы уже давно развелся и делу край.

Тогда Янь Гэ посмотрел на него и сказал:

– Все не так просто, как кажется. Если бы я мог, уже бы давно развелся. – Немного погодя он добавил: – По телевизору ведь тоже изо дня в день сплошное вранье. Кто-то ездит с проверками, а кто-то старается эти проверки должным образом обустроить. Все как в случае с моей женой – у каждого свои бзики.

Поняв, что без этого балагана Янь Гэ никак не обойтись, Жэнь Баолян нерешительно почесал в затылке.

– Только, боюсь, артистов ты не там ищешь. Все эти рабочие только недавно от мамкиной юбки оторвались, не созрели они еще для таких дел, не по силам им это.

Тут у Янь Гэ зазвонил мобильник; он глянул на экран и не стал отвечать. Потом он внимательно посмотрел на Жэнь Баоляна и сказал:

– Зато на это дело подходишь ты.

Жэнь Баолян даже подскочил на месте. Сделав вид, что его оскорбили, он затараторил:

– Неужели я произвожу такое впечатление? Да выверни меня наизнанку, я окажусь честнейшим человеком в мире! – Выпалив это, он перевел разговор в другое русло: – Директор Янь, давайте говорить серьезно. Вы уже полгода тянете с платежами за строительство, куда это годится! С сырьем мы еще как-нибудь вопрос решим, а вот что делать с волнениями рабочих, которые уже полгода зарплаты не видели? – Тут он стал активно жестикулировать. – Не прошло и месяца, а мне уже пять раз успели шины проколоть.

Жэнь Баолян ездил на подержанной «Сантане».

– А я говорю вполне серьезно, – прервал его Янь Гэ. – Ведь если меня сейчас жена зарубит, к кому ты за своими деньгами пойдешь?

Жэнь Баолян остолбенел, а когда собрался с ответом, калитка во дворик резко распахнулась, и он увидел Лю Юэцзиня. Тот, не одарив присутствующих ни словом, ни взглядом, напрямиком направился к финиковому дереву, выдернул из штанов веревку и закинул ее на ветку. Жэнь Баолян и Янь Гэ забеспокоились. Жэнь Баолян крикнул:

– Лю Юэцзинь, ты чего?

А тот, просунув шею в петлю, ответил:

– Я полгода вкалывал и ничего не заработал, семья распалась, жить незачем.

Лю Юэцзинь появился сюда сразу после встречи с Хань Шэнли. На этот раз тот не ушел с пустыми руками: Лю Юэцзинь отдал ему двести юаней из столовских денег, но эту брешь он уже залатал, совершая покупки на рынке. Хотя деньги и считались общественными, но ведь эти двести юаней он честно отработал, торгуясь с продавцами. Как говорится, голь на выдумки хитра. Но принципиальный Хань Шэнли не отступил, и перед тем как распрощаться, заявил, что на сей раз дает два дня на уплату долга и набежавших процентов – всего три тысячи четыреста юаней. В случае неуплаты он грозился зарезать Лю Юэцзиня и, судя по его настрою, не шутил. Получить такую сумму обычным путем можно было даже не мечтать. Вообще-то у Лю Юэцзиня имелось три с лишним тысячи, но они откладывались на черный день, и он не решался их трогать. Когда у него оставалось меньше пяти тысяч, Лю Юэцзинь терял душевный покой. После ухода Хань Шэнли Лю Юэцзинь никак не мог прийти в себя. Вдобавок ему из Ханани позвонил сын и сообщил, что нужно срочно внести оплату за обучение в размере двух тысяч семисот шестидесяти юаней пяти мао и трех фэней. По его словам, если в течение двух дней эти деньги не придут, его обещали выгнать. Итак, Лю Юэцзинь был должен и Хань Шэнли, и сыну, а Жэнь Баолян был должен ему. Оказавшись припертым к стенке, Лю Юэцзинь пошел к Жэнь Баоляну. Звонок от сына очень кстати сыграл роль предлога. Лю Юэцзинь понимал, что сам Жэнь Баолян тоже был связан по рукам и ногам, поэтому обычными методами денег было не требовать. В прошлом месяце, когда Лао Чжану из провинции Аньхой понадобилось по семейным обстоятельствам уволиться и вернуться домой, Жэнь Баолян тоже ничего ему платить не собирался. Тогда тот забрался на башенный кран и грозился спрыгнуть. Вокруг собралась толпа зевак, приехали пожарные, полицейские. Жэнь Баолян снизу кричал:

– Лао Чжан, спускайся, будет тебе уже!

Лао Чжан спустился, и Жэнь Баолян выплатил ему зарплату. Лю Юэцзинь решил действовать по этой же схеме. Раньше Лю Юэцзинь никогда бы до такого не дошел, ведь они дружили с Жэнь Баоляном десять с лишним лет, однако когда маски были сброшены и отношения между ними натянулись, их бывшая дружба канула в небытие. Однако сейчас Жэнь Баоляну показалось, что Лю Юэцзинь несколько перебарщивает:

– Что за бред ты несешь? Какое мне дело до твоего развода? И вообще, твоя жена сбежала от тебя лет шесть тому назад. – Тут он показал на Янь Гэ и продолжил: – Ты знаешь, кто перед тобой? Директор Янь собственной персоной. Половина домов в Пекине – его рук дело. Ты работаешь на меня, а я работаю на него.

Всплеснув руками, он обратился к Янь Гэ:

– Вот, директор Янь, вы все сами и увидели. Как им не платить? У нас тут такое каждый день творится.

Янь Гэ, который все это время молча наблюдал за их перепалкой, вдруг стал деликатно аплодировать.

– Сыграно что надо. – После этого он уже обратился конкретно к Жэнь Баоляну: – Это ты придумал? А еще говорил, что ничего не смыслишь в таких вещах. Да ты настоящий режиссер!

Жэнь Баолян, рассердившись, шмякнул о землю коробку с обедом; курица с каштанами разлетелась во все стороны.

– Директор Янь, да после ваших слов я и сам готов повеситься! – Указывая на строящийся вдали небоскреб, он бросил Лю Юэцзиню: – Хочешь сдохнуть – лучше сразу сигани вон оттуда!

Янь Гэ, успокаивая Жэнь Баоляна, показал на Лю Юэцзиня и вынес свой вердикт:

– Никого искать не надо, это будет он!

Глава 6. Цюй Ли

Итак, вечером того дня Лю Юэцзинь переоделся и, подготовившись сыграть свою роль, пристроился в начале перекрестка за лотком с вареной кукурузой. Лю Юэцзиню не довелось увидеть того, кого ему следовало изображать. Янь Гэ лишь объяснил, что это аньхоец, в целом очень похожий на Лю Юэцзиня. По большому счету какие-то несовпадения в их внешности проблемы не составляли. Этот маскарад устраивался, чтобы обмануть человека, и было достаточно примерного соответствия фотографии, на которой все равно никто бы не смог разглядеть отличие настоящего продавца от подставного, тем более, что на фото этот продавец вышел величиною с горошину. К тому же роль первой скрипки в этом спектакле принадлежала не торговцу кукурузой, а торговцу бататом и шашлычнику, что стоял рядом с ним. Вероятнее всего Цюй Ли во время своей инспекции станет допрашивать именно их. В этом смысле продавец кукурузы служил не более чем фоном – его взяли на всякий случай. Лю Юэцзинь впервые в жизни изображал другого человека; за это Янь Гэ заплатил ему пятьсот юаней. Получив эти деньги, Лю Юэцзинь тут же стал входить в свою роль, засыпая Янь Гэ вопросами:

– А ничего, что он – аньхоец, а я – хэнанец? Вдруг, если я заговорю, этот ляп сразу заметят?

Янь Гэ на секунду задумался, понимая, что Лю Юэцзинь прав; сам он этого как-то не учел. Однако уже через секунду опасения Лю Юэцзиня показались ему несостоятельными. Ведь фотография в газете не могла заговорить, а о том, что тот человек был аньхойцем, знал лишь Янь Гэ, так что Цюй Ли вообще не ведала, кто он и откуда родом. Янь Гэ лишь вздохнул и ответил:

– Если придется говорить на своем хэнаньском диалекте, говори, пожалуйста. Главное – не волнуйся. – Тут же он еще раз его успокоил: – У тебя не главная роль, можешь не переживать. Просто у меня жена что хорек – у нее интуиция на слабую жертву. Если бы не это, я бы вообще не стал искать подмену тому аньхойцу.

Лю Юэцзинь понимающе кивнул, отбросил вопрос с аньхойцем и, тыча в газетное фото, доверительно спросил:

– Ради чего создаются такие проблемы, что этому папарацци нужно? Деньги?

Янь Гэ вздохнул:

– За деньгами тут еще спрятано одно слово – «злоба». Человек злится, если кто-то живет лучше, чем он сам.

Лю Юэцзинь снова понимающе кивнул. Вдалеке на фото виднелся недавно отстроенный торговый комплекс. Янь Гэ ткнул в его крышу и сказал:

– Надо было спрятать здесь снайпера, тогда бы его башки уже не было.

У Лю Юэцзиня родился еще один вопрос. Он был такой же, как у Жэнь Баоляна: почему Янь Гэ, будучи такой крупной шишкой, не мог поставить свою жену перед фактом, что у него есть любовница? Ну появилась у него другая и появилась; ну узнала об этом жена и узнала. Почему бы с одной не развестись, а на другой не пожениться? И отпала бы тогда всякая необходимость скрытничать. Зачем было тратить столько сил на инсценировку только ради того, чтобы обвести жену вокруг пальца? В этом отношении Янь Гэ явно уступал суррогатчику Ли Гэншэну, возглавлявшему «Тихоокеанскую вино-водочную компанию». Тот действовал вполне открыто и бесстрашно. Но все-таки Лю Юэцзинь побоялся озвучить этот вопрос; он лишь заключил, что у каждого в голове свои тараканы. К примеру, Янь Гэ, будучи важной персоной, берег чувства своей жены, и это заслуживало сочувствия. Их можно было даже назвать товарищами по несчастью. Несчастье у них, правда, было разное, но боязнь стать достоянием пересудов их объединяла.

Итак, Янь Гэ объяснил Лю Юэцзиню, что беспокоиться ему не стоит. Тот переоделся в одежду аньхойца и, в общем-то, его ничего не беспокоило, хотя дискомфорт он чувствовал. Этот дискомфорт приносила ему не столько роль аньхойца, сколько вонь, исходившая от его одежды. Сразу бросалось в глаза, что покупал он ее в каком-нибудь секонд-хенде на ночном рынке. Наверняка ее сменил уже не один хозяин, поэтому ее запахок отдавал какой-то кислотинной и потом. Уже было не разобрать, кто и как запятнал эту одежду, но хотя одежда аньхойца воняла, товар у него был что надо. В его лавке на печке, что топились угольными брикетами, возвышалась огромная алюминиевая кастрюля. Едва Лю Юэцзинь заступил на место, к нему тотчас ринулись покупатели. Все они оказались старыми клиентами. Оказывается, даже от торговли кукурузой был какой-то толк. Лю Юэцзинь проникся к аньхойцу уважением. Янь Гэ упоминал, что аньхоец робкий, и чуть что – начинает заикаться, но Лю Юэцзинь оценил его как очень толкового человека. Он даже подумал, что если когда-нибудь совсем рассорится с Жэнь Баоляном, то пойдет продавать кукурузу. Когда Лю Юэцзинь встал за прилавок, Янь Гэ ему четко объяснил: «Веди себя с клиентами как тот аньхоец, и чтобы никакой отсебятины».

Однако Лю Юэцзинь тотчас внес некоторые поправки. Он ничего не менял, кроме цены на кукурузу. Вареная кукуруза продавалась поштучно, и если аньхоец брал за один початок один юань, то с появлением Лю Юэцзиня этот же початок стал стоить один юань и один мао. Приобретенный на рынке опыт Лю Юэцзинь теперь внедрял в торговлю кукурузой. Ведь если поднять цену одного початка на один мао, то с сотни початков выйдет навар в десять юаней. Не зря же ему тут торчать. Некоторые покупатели начинали роптать:

– Разве початок стоил не один юань? С чего вдруг кукуруза сегодня подорожала?

Лю Юэцзинь на это отвечал:

– Вчера в Хуайжоу⁸ прошел град, побил всю кукурузу отсюда и новая цена.

Когда народ начинал спрашивать, откуда он такой взялся, Лю Юэцзинь отвечал:

– Мой братец вчера малость перебрал, так что я за него.

Уже три часа кряду Лю Юэцзинь торговал кукурузой, а Цюй Ли со своей проверкой все никак не появлялась. Судя по тому, что время близилось к ночи, сегодня ее прихода можно было уже не ждать. Но Лю Юэцзиня это нисколько не волновало. Свои пятьсот юаней за этот спектакль он уже получил, половину кукурузы тоже успел продать, а это еще пять-шесть юаней прибыли. Если понадобится задержаться в этой роли еще на один день, ему снова заплатят, да и прибыль от продажи кукурузы снова окажется в его кармане. А если дело затянется на несколько дней, то Лю Юэцзиню это только на руку. Однако мечтам Лю Юэцзиня не суждено было сбыться. Пока он витал в облаках, у обочины аккуратно припарковался «Мерседес». Из машины вышла полная женщина. Следом за ней с другой стороны появился Янь Гэ. Лю Юэцзинь сообразил, что настал час икс. Что называется, занавес поднялся, спектакль начался. В дородной фигуре жены Янь Гэ угадывалась бывшая стройность, и хотя с возрастом ее разнесло, она по-прежнему оставалась симпатичной. В левой руке она держала поводок и вела собачку, а правой сжимала газету. Это была та самая газета, в которой Лю Юэцзинь видел фото певицы и Янь Гэ. Лю Юэцзинь весь собрался, словно артист перед выходом на сцену.

Цюй Ли вернулась из Шанхая в Пекин в четыре часа после полудня. Вообще-то ее прилет планировался на два, но из-за грозы в Шанхае рейс на пару часов задержали. Цюй Ли ездила в Шанхай к матери. На самом деле с матерью они не ладили. В детстве Цюй Ли прекрасно общалась с отцом, но не с матерью. У той был взрывной характер и чуть что, она сразу же прибегала к рукоприкладству. У Цюй Ли была еще младшая сестра, к которой мать относилась совершенно иначе: ругать ругала, но бить никогда не била. Так что на проказы дочерей она реагировала по-разному. Их семья делилась на два лагеря: отцовский и материнский. В силу слабости первого в их семье установился матриархат. Несмотря на то что шанхайцы привязаны к дому,

⁸ Сельский район в пригороде Пекина.

Цюй Ли выбрала для обучения университет в Пекине, чтобы таким образом освободиться из-под материнского гнета. Через два года после того, как Цюй Ли вышла замуж, умер отец. С тех пор она перестала ездить в Шанхай. Если такое и случалось, то в родной дом она не заглядывала. Однако в последний год Цюй Ли стала навещать отчий дом, более того, такие визиты теперь случались каждый месяц. Даже Янь Гэ не мог понять, с чего вдруг произошли такие метаморфозы: то ли изменилась сама Цюй Ли, то ли ее мать. Как бы то ни было, Янь Гэ это более чем устраивало. Ведь с отъездом Цюй Ли он мог распоряжаться своей жизнью в Пекине как хотел, и, как следствие, он спокойно назначал свидания своей певице и другим пассиям. Однако Янь Гэ даже не догадывался, что Цюй Ли ездит в Шанхай вовсе не к матери, а на консультации с психологом. Она возомнила, что у нее тяжелейшая депрессия, но предпочитала об этом не распространяться. Супруги были женаты уже двенадцать лет. Первые пять лет они жили бедно и из-за этого постоянно ссорились. В те времена Цюй Ли была уравновешенной, а потому их ссоры оборачивались холодной войной. Спустя пять лет они разбогатели, Цюй Ли растолстела, а их стычки переросли в скандалы. Этот ад продолжался еще пять лет, после чего ссориться они перестали, снова вернувшись к холодной войне. Но нынешняя холодная война весьма разнилась с предыдущей. В новых условиях Цюй Ли вдруг обнаружила, что больна, и больна не физически: что-то беспокоило ее душу, она постоянно о чем-нибудь волновалась. С одной стороны, она переживала, что Янь Гэ может ее разлюбить, поэтому каждый раз перед сном она запиралась в туалете и втихоря проверяла все карманы Янь Гэ; кроме того, она переживала за себя и за весь мир до кучи. Любое изменение вокруг: смена сапожника в лавке рядом с домом или ротация кадров в стране, что ее в принципе никак не касалось, – вызывало у Цюй Ли панику перед всеобщим крахом, а это в свою очередь нарушало функционирование всего ее организма. Что это, если не депрессия? Причем если у других депрессия вызывала бессонницу и общее истощение, то Цюй Ли, наоборот, вечно хотелось спать, и к тому же она все больше и больше толстела. Любой мало-мальский стресс она заедала гамбургерами, а когда наедалась до отвала, проваливалась в глубокий сон. Вот с этой проблемой она и обратилась к психологу. Разумеется, в Пекине тоже есть специалисты, однако глуповатые шанхайцы чаще других страдают депрессией, поэтому шанхайские психологи считаются более профессиональными. Кроме того, у Цюй Ли имелось еще одно соображение на счет своей депрессии: хотя обнаружилась она у нее недавно, не исключено, что корнями она уходила в детские годы и в их отношения с матерью, поэтому близость к дому тут бы не помешала. Таким образом, раз в месяц она стала летать в Шанхай на консультации. Если другим после посещения психолога на душе сразу становилось легче, то в случае с Цюй Ли все происходило с точностью до наоборот. Она наблюдалась у мужчины, уроженца Фэнхуа⁹ провинции Чжэцзян, можно сказать, земляка Чан Кайши¹⁰. Слегка за тридцать, учтиво говорящий на чжэцзянском диалекте, чисто выбритый – он своей причесочкой и жестикуляцией напоминал гея. Однако в работе он был настоящим профессионалом. Как только он не обрабатывал своих клиентов: узнавал их подноготную по внешним признакам, проникал в суть проблемы от простого к сложному, говорил все четко и убедительно. Однако и ему не удалось сразу попасть в точку, он постоянно акцентировал свое внимание на признаках. И только спустя полгода психолог наконец вытянул из Цюй Ли информацию о том, что за двенадцать лет брака у нее случилось три выкидыша. Вот тогда-то он и прозрел. Этот младший земляк Чан Кайши сложил свои пальчики в утонченный жест, покивал головой и на чжэцзянском наречии торжественно объявил, что причиной всех ее проблем являются выкидыши, а ее детство и отношения с матерью здесь абсолютно ни при чем. Оказывается, причиной ее беспокойства был не Янь Гэ, не она сама и не весь остальной мир, а ее дети. Мания проверять карманы мужа теперь объяснялась боязнью, что у него может появиться

⁹ Фэнхуа – городской уезд города Нинбо.

¹⁰ Чан Кайши (1887–1975) – военный и политический деятель Китая.

ребенок на стороне, и поэтому Цюй Ли объявила ему холодную войну. А ее вспыльчивость в тех же салонах красоты, в действительности была ничем иным, как обычным выпуском пара на стороне. Ну а ее полнота – обычное попустительство. Но если копнуть еще глубже, то и ребенок здесь играл не самую важную роль: оказывается, Цюй Ли боялась того, что если она не родит, ее будет беспокоить, кому достанется все их имущество. Другими словами, основная проблема заключалась в деньгах. Итак, докопавшись до истины, врач воспрянул духом, а вот Цюй Ли, которая, казалось бы, тоже должна была обрадоваться, напротив, впала в тоску, потому что разрешить эту проблему она, увы, не могла. Тогда на ее плечи легло небывалое бремя беспокойства за все на свете. И если раньше она волновалась за все и сразу, то после этой беседы с психологом все ее переживания были направлены исключительно в сторону Янь Гэ. С того момента она постоянно отслеживала и анализировала любые действия, слова и поступки мужа. Она прекрасно понимала, что такое поведение может дать обратный эффект, но возможно, этого ей и не доставало. Жажда обратного эффекта, жажда взрыва, жажда самого наихудшего исхода, жажда убийства и жажда рек крови – все это доказывало, что проблема скрывалась не в ней; всю ответственность Цюй Ли возложила на мужа и весь остальной мир. Поэтому если раньше она беспокоилась, что у Янь Гэ на стороне кто-то есть, то теперь ее беспокоило, что у него никого нет. Быть может, для нее было бы даже лучше, если бы Янь Гэ имел как можно больше любовниц. Ведь в таком случае ее мечты исполнились бы совсем скоро. На этот раз она полетела в Шанхай не столько ради консультации с психологом, сколько уже в силу привычки. И вот вчера ее лучшая подруга из Пекина позвонила ей и сообщила о попавшем в газету фото Янь Гэ и певицы. Эта лучшая подружка-толстушка тоже была замужем за богачом. За ее ахами и охами угадывалось приятное возбуждение, которое тут же уловила Цюй Ли, познав истинную натуру своей подруги: она была из тех, кто с нетерпением ждет несчастий у своих друзей. Тоже своего рода психическое расстройство. Единственное, чего не могла ожидать близкая подруга, так это того, что Цюй Ли данная весть не расстроит, а, наоборот, обрадует. Точно так же ведут себя возбужденные боевые кони, учуяв поле боя и запах крови. Однако, чтобы одурочить подругу, Цюй Ли, разговаривая с ней, притворилась расстроенной. Пока что в ее планы входило лишь натянуть тетиву и занять выжидательную позицию – она должна перетерпеть эту горечь. Как известно, чем дольше спит вулкан, тем мощнее он потом извергается. Едва Цюй Ли приземлилась в столичном аэропорту, как ее встретил Янь Гэ. В руках он держал газету, и Цюй Ли сообразила, что Янь Гэ, не в силах утаить шила в мешке, решил пойти ва-банк. Усевшись в машину, Цюй Ли взяла на руки собачку, а Янь Гэ в это время раскрыл газету и, показывая на фото, прокомментировал: «Хочешь верь, хочешь – нет, я тут просто покупал батат, даже не понял, кто это».

Его замысел был настолько очевиден, что в Цюй Ли тут же стал просыпаться вулкан. Как бы не хотела она попасться на удочку подруги, но попалась; как бы не хотела выпускать стрелу из натянутого лука, но выпустила. Поэтому она ответила мужу:

– А чего ты волнуешься? Я сейчас поеду туда, и все сразу станет ясно.

– Так дело это уже прошлое, кто сейчас что-то вспомнит?

Цюй Ли оставила его реплику без внимания и попросила водителя ехать на ту самую улицу. Однако, приняв такое решение, она прямоком угодила в ловушку Янь Гэ. Все это время он вовсе не прятал шила в мешке, а пытался заманить ее в свои сети. И единственное, о чем он мечтал, чтобы Цюй Ли приехала в указанное место. Раньше Цюй Ли уже устраивала такие инспекции, ввергая Янь Гэ в панику. Но теперь-то был иной случай, теперь он обо всем позаботился заранее, поэтому беспокоился он лишь о том, чтобы все его режиссерские ухищрения не пропали даром. Этим своим спектаклем он хотел опровергнуть не только последний инцидент, но и все подозрения Цюй Ли в целом. Поэтому он тоже вошел в роль и стал притворяться, что ему эта идея не по душе: «Да что там можно выяснить?»

Итак, Янь Гэ вместе с Цюй Ли прибыли на обозначенное место. Лю Юэцин, который сначала совершенно не волновался, увидав Цюй Ли и Янь Гэ, чье появление означало начало спектакля, вдруг малость сдрейфил. Как-никак, Лю Юэцин не имел опыта подобных выступлений, тем более, что это – реальная жизнь. А жизнь это вам, извините, не театр. Кроме всего прочего Лю Юэцин тревожило, что он целыми днями крутился на стройплощадке среди обычных работяг. Ошиваясь в низах общества, он говорил и действовал соответственно. Он никогда не общался с богачами типа Янь Гэ и Цюй Ли, а потому ничего не знал ни об их образе жизни, ни о том, как они поведут себя в экстремальной ситуации. Он не знал, как ему, в случае чего, реагировать. Между тем Цюй Ли с собачкой на поводке принялась совершать обход всех лотков, причем не на бегу, как обычно, а подстраиваясь под неспешный темп собачки. Янь Гэ даже стал терять терпение, а потому начал ее поторапливать:

– Не веришь, так иди и спроси продавца батата.

Но Цюй Ли не торопилась, а продолжала медленно кружить вокруг других торгашей. Однако и тут она угодила в ловушку Янь Гэ. Она вернулась к лавке, где за алюминиевой кастрюлей стоял Лю Юэцин, а того, не хуже анхойца, вдруг стало трясти крупной дрожью. Заметив такое поведение Лю Юэцина, Цюй Ли остановилась перед ним и, развернув газету, спросила:

– Извините, вы не видели вчера здесь эту певицу?

Лю Юэцин, не в силах что-либо произнести, тревожно затряс головой. Цюй Ли самым естественным тоном продолжала допрос:

– Был ли с ней кто-то еще?

– Был, – заикаясь, ответил Лю Юэцин.

Янь Гэ, который стоял за спиной Цюй Ли, аж побледнел от страха.

– А кто именно? – спросила Цюй Ли.

– Ее мамаша.

Цюй Ли так и встала.

– А откуда ты знаешь ее мамашу?

– Я слышал, как она ей сказала: «Ма, ты пока возьми кукурузу, а я схожу за бататом».

Цюй Ли облегченно вздохнула. Так же облегченно вздохнул за ее спиной Янь Гэ и осторожно показал Лю Юэцину большой палец. Казалось бы, какой-то рабочий, а актер из него что надо. Закончив допрашивать Лю Юэцина, Цюй Ли не стала подходить к другим. Но даже если бы и подошла, Янь Гэ теперь уже ничего не боялся с таким-то началом. Между тем Цюй Ли вместе со своей собачкой отправилась обратно к машине. Янь Гэ последовал за ней. Приняв оскорбленный вид, он первым сел в машину, резко хлопнув дверью со своей стороны. И тут вдруг Цюй Ли сказала водителю:

– Подождите-ка, я тоже куплю кукурузу.

С этими словами она вместе с собачкой снова вернулась к Лю Юэцину и спросила:

– Сколько берешь за штуку?

Весь мандраж Лю Юэцина к этому времени как рукой сняло, он даже немного расстроился, что сначала разволновался: оказывается, играть спектакль – плевое дело. А сейчас, когда он уже расслабился, в нем снова проснулся продавец кукурузы.

– Один юань и один мао, – бойко ответил Лю Юэцин.

Цюй Ли вытащила из кастрюли кукурузу и вроде как между прочим спросила:

– А эта певица приходила вчера утром или вечером?

Этот вопрос застиг Лю Юэцина врасплох. Не зная, каков должен быть ответ, он решил симпровизировать, а потому выпалил наобум:

– Утром, я только-только начал торговать.

Цюй Ли кивнула и засмеялась. Лю Юэцин, решив, что снова сыграл как надо, тоже засмеялся. Цюй Ли, взяв кукурузу, вытащила два юаня и вручила их Лю Юэцину.

– Сдачи не надо.

Сказав это, она снова вернулась вместе с собачкой к машине. Лю Юэцзинь подумал, что спектакль наконец-то завершился; сидевший в машине Янь Гэ тоже решил, что все удалось. Пока «Мерседес» мчался по улицам, Цюй Ли увлеченно вгрызалась в кукурузу. Тут Янь Гэ, желая выставить свою правоту, заметил:

– Вообще-то, в газете намекали на миф с ее анорексией, а ты умудрилась разглядеть здесь любовные похождения. Видишь то, что хочешь увидеть. Если еще когда-нибудь вздумаешь меня подозревать, я тебе устрою.

Он никак не ожидал, что Цюй Ли вдруг оторвется от своей кукурузы и швырнет ее прямо в его физиономию. С Янь Гэ упали очки; собачка под ногами перепугалась и жалобно заверещала. Янь Гэ взвился:

– Ты чего, хочешь скандала на ровном месте?

Тут из глаз Цюй Ли хлынули слезы, она показала ему газету.

– Янь Гэ, когда в следующий раз снова решишь меня обмануть, будь внимательнее. Продавец кукурузы сказал, что она была утром, посмотри на часы, которые позади!

Янь Гэ нащупал под ногами очки и, надев их, взглянул на фото. Там, в самом углу, на башне торгового комплекса виднелось табло с электронными часами. И хотя цифры на нем выглядели несколько размыто, тем не менее можно было разглядеть время: 17:03:56. Янь Гэ опешил.

Глава 7. Ма Маньли и Ян Юйхуань

Ма Маньли была хозяйкой «Парикмахерской Маньли», что находилась через один переулок от стройплощадки, где работал Лю Юэцзинь. Там, на повороте в конце переулка, всегда горел фонарь. Это заведение занимало площадь в пятнадцать квадратных метров и делилось на два зала: внешний и внутренний. Ма Маньли хоть и была владелицей, также делала стрижки, а в помощь наняла одну девушку по имени Ян Юйхуань. Та приехала из Юньчэна, что в провинции Шаньси. В ее обязанности входило мытье волос, уборка и массаж. Это маленькое, уютное заведение обслуживало в основном рабочих со стройплощадки либо торговцев с ближайшего рынка. Каков размер, такие и цены. Если в салонах красоты за стрижку брали двадцать юаней, а за мытье и укладку по десять, то здесь и стрижка, и мытье головы стоили одинаково – пять юаней. Массаж стоил двадцать восемь юаней. Если кроме массажа клиент выбирал «прочие услуги», то их стоимость не превышала сотни юаней. Эти «прочие услуги» предоставляла только Ян Юйхуань, Ма Маньли этим не занималась. Поэтому разница в их выручке составляла три к одному. Ян Юйхуань хоть и была наемной, а зарабатывала больше. И ладно бы дело касалось только заработка, но эта Ян Юйхуань полагала, что именно от нее зависит вся прибыль заведения, а потому даже в разговоре с Ма Маньли она ни во что ее не ставила, точно хозяйкой тут была она. Иногда, когда подходило время обеда, Ян Юйхуань демонстративно отлынивала от работы и принималась за семечки. К готовке она даже не прикасалась, всегда ждала, пока освободится Ма Маньли и сделает обед. Из-за этого они часто ссорились. Но ссоры эти ни к чему не приводили, разве что только немного оживляли общую атмосферу.

Ма Маньли в этом году исполнялось тридцать два года. Она приехала из города Хулудао, что в провинции Ляонин. Обычно жительницы северо-востока отличались пышным бюстом, но Ма Маньли в их число не входила, имея по этой части некоторый изъян. Но поскольку она носила специальный лифчик на косточках, про ее изъян на всем белом свете знали лишь три человека. Одним из знающих был ее бывший муж, Чжао Сяоцзюнь. Когда они разводились, он бросил ей: «А ты вообще женщина? Только притворяешься».

Кроме того, об этом знала дочь Ма Маньли. Девочке уже исполнилось шесть лет. Уезжая в Пекин, Ма Маньли оставила ее вместе со своей матерью в Хулудао. Когда дочку приходилось кормить грудью, ей доставало молока, и она все время плакала. Наконец, третьим знающим человеком был Лю Юэцзинь. Как-то раз в час ночи, когда парикмахерская уже закрылась, за Ян Юйхуань приехал на мотоцикле ее парень, а Ма Маньли осталась одна. В этот день у нее как раз были женские дела; она зашла в дальнюю комнату сменить прокладку, а заодно переоделась для сна. Поскольку она осталась одна, то пошла закрывать дверь, не надев лифчика. Едва она вышла из комнаты, как навстречу ей вылетел Лю Юэцзинь. Увидав, что с ней что-то не так, он смутился. Ма Маньли тоже смутилась и возмущенно закричала: «Куда тебя несет, твою мать?»

А Лю Юэцзинь теперь в любую свободную минутку шел непременно в «Парикмахерскую Маньли». Сюда через один переулок от стройплощадки было ходу всего-то семь-восемь минут. Приходил он сюда вовсе не за стрижкой и не за массажем, а просто посидеть, развеяться да на людей поглядеть. А точнее, даже не поглядеть, а послушать женскую болтовню. Ведь на стройплощадке работали одни мужики. А племянница Жэнь Баоляна, Е Лянбин, хоть и представляла женский пол, но эту стокилограммовую тушу не то что слушать, видеть не хотелось. Разумеется, подслушивать чьи-то сплетни можно и в других местах: на улицах, в магазинах, в метро. Например, до знакомства с Ма Маньли Лю Юэцзиню свободное время нравилось проводить в метро; летом там прохладно, зимой – тепло. Но комфорт – дело десятое, он шел туда, чтобы поглядеть, а точнее послушать. Женское щебетание, которым он наслаждался после рабочего дня, успокаивало и ласкало его душу. Хотя вот голос Ма Маньли нельзя было назвать щебетанием. Отсутствие пышных форм звучало в унисон с ее хрипотцой. Так что на

слух Ма Маньли можно было принять и за мужчину. Однако ее хрипотца отнюдь не отталкивала, а, напротив, приятно радовала ухо, притягивая не хуже магнита. В сравнении с обычным женским щебетанием ее голос еще и пленял сердце. Кроме желания послушать голос Ма Маньли, у Лю Юэцзиня имела еще и другая причина для встреч. Когда шесть лет тому назад суррогатчик Ли Гэншэн увел у него жену, Лю Юэцзинь сначала никак не мог понять, что же он нашел в ней особенного. Оказалось, того прельстила ее осиная талия, которую можно было обхватить руками. Теперь точно такое же достоинство Ли Юэцзинь обнаружил у Ма Маньли. Обычно, если женщина бесформенная, то уж без форм целиком. Однако Ма Маньли, не обладая пышными формами, тем не менее обладала осиной талией. Вот Лю Юэцзинь и торчал у нее целыми днями ради этой осиной талии. Теперь он в полной мере постиг смысл поговорки: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем». За тринадцать лет в браке с Хуан Сяопин он не разглядел в ней каких-то достоинств; и только когда ее увели, он, спустя шесть лет, вдруг стал скучать по ее талии. Было еще кое-что, что роднило Ма Маньли с Хуан Сяопин – глазки-щелочки. Но кое в чем они были не похожи: Ма Маньли выгодно отличалась от смуглой Хуан Сяопин белизной своей кожи. А еще Ма Маньли любила поучить жизни, не в пример молчаливой Хуан Сяопин. Со временем Лю Юэцзинь так привязался к Ма Маньли, что провести три дня без нее было для него в тягость. Как-то раз он даже спросил ее:

– Как думаешь, может, это любовь?

Ма Маньли зыркнула в его сторону и, смачно сплюнув, отрезала:

– И ты, твою мать, тоже за любовью пришел?

Лю Юэцзинь не отставал:

– Я уже шесть лет в холостяках, даже любовницы не завел.

Тогда Ма Маньли ткнула в угол и сказала:

– Так какие проблемы – взял и сам себя порадовал.

Лю Юэцзинь в ответ только усмехнулся. После развода у него и вправду за шесть лет не было ни одной женщины. Иногда ему хотелось снять девицу, но все как-то денег жалко. Вот и приходилось, как сказала Ма Маньли, самому себя радовать. Но при этом им все больше овладевало желание слышать женский голос. Если Лю Юэцзиню удавалось быстро закончить с покупками для столовой, то он непременно заходил в «Парикмахерскую Маньли». Иногда он мог с собой в отдельном пакетике принести для Ма Маньли четверть кило от свиной шеи или полпакетика куриных шей. Пока Ма Маньли обслуживала клиента, Лю Юэцзинь прохлаждался рядом. Тогда она начинала им командовать: «Нечего сидеть без дела! Что люди подумают?»

Тогда Лю Юэцзинь вставал, брал щетку с совком и принимался за уборку. Ма Маньли была не против, чтобы к ней время от времени заглядывал Лю Юэцзинь, а вот Ян Юйхуань терпеть его не могла. Присутствие в парикмахерской мужчины явно мешало ее бизнесу. Бывает, заглянет какой-нибудь клиент в надежде сделать массаж, но, увидав мужика, возьмет и развернется. Лю Юэцзинь и сам понимал, что отпугивает других клиентов, но завязать со своими визитами тоже не мог. Поэтому, если кто-то из мужчин заглядывал в парикмахерскую, он поспешно объяснял:

– Ничего страшного, я просто работаю по соседству.

Но стоило Лю Юэцзиню сказать «ничего страшного», как человек мгновенно испарялся. Едва Лю Юэцзинь переступал порог парикмахерской, как Ян Юйхуань начинала психовать, демонстрируя ему свое раздражение. У себя на родине в Шаньси Ян Юйхуань звалась Ян Ганьни. Приехав в Пекин, она уже несколько раз меняла имя, представляясь то Ян Бинбин, то Ян Цзиньвэнь, то Ян Юйчунь. Однако потом все эти имена ей показались какими-то простецкими, и она стала называть себя Ян Юйхуань. Приехала она совсем тощая, но спустя год раздобрела. От природы тонкокостная, она, конечно, не приобрела устрашающих размеров работавшей на стройплощадке племянницы Жэнь Баоляна, но, тем не менее, жировые складочки на ее теле присутствовали. Теперь она вновь решила похудеть. Но это растолстеть просто, а

вот сбросить вес – задача посложнее. Все кругом говорили, что она толстая, хотя именно это и привлекало ее клиентов. Лю Юэцзинь, зная, что она стремится похудеть, каждый раз при встрече, отмечал: «Юйхуань, а ты еще больше похудела». Благодаря этим комплиментам Ян Юйхуань еще как-то терпела Лю Юэцзиня в «Парикмахерской Маньли».

Ма Маньли три года назад развелась с Чжао Сяоцзюнем. Лю Юэцзинь не знал, кем он работает; Ма Маньли на его расспросы тоже не отвечала. Лю Юэцзинь несколько раз встречался с ее бывшим мужем в парикмахерской. Тот постоянно лоснился от пота, был при костюме и напоминал мелкого предпринимателя. Всякий его приход в парикмахерскую имел одну цель – выбить деньги. Из их перебранки можно было узнать, что после развода у них остался неразрешенным конфликт по поводу тридцати тысяч юаней. Причем сама Ма Маньли не брала у него этих денег, их одолжил у Чжао Сяоцзюня ее младший брат. Но брат скрылся в неизвестном направлении, и теперь Чжао приставал к Ма Маньли. Ма Маньли знать не знала об этом займе, поэтому они постоянно выясняли отношения. Однажды визит Лю Юэцзиня совпал с приходом в парикмахерскую Чжао Сяоцзюня. В тот раз между бывшими супругами разразилась не просто ссора – они подрались. Одно из зеркал разбилось вдребезги. У Ма Маньли от удара в лицо пошла из носа кровь. Лю Юэцзинь кинулся их разнимать, тогда Чжао отбросил Ма Маньли в сторону и ринулся к Лю Юэцзиню:

– Раз ты тут не чужой, то, может, и деньги возвратишь?

Лю Юэцзинь попытался его урезонить:

– Уже до крови дело дошло, давай спокойно поговорим, хватит руки распускать.

– Я смотрю, сегодня кое-кто явно нарывается, так я угощу по полной программе!

С этими словами он снова повернулся к Ма Маньли. Лю Юэцзинь, глядя на ее окровавленное лицо, бросился на помощь. Тут же он расстегнул свою поясную сумку и, вытащив тысячу юаней, отдал их вместо Ма Маньли. Чжао Сяоцзюнь взял деньги и, выругавшись, ушел прочь. Лю Юэцзинь недоуменно прокомментировал:

– Ведь уже развелся, а все каких-то денег требует, что за тип?

Но уже на следующий день Лю Юэцзинь стал раскаиваться. Раскаивался он не в том, что полез защищать Ма Маньли, а в том, что пожертвовал свои деньги. Ведь он был сбоку припека. Те как бывшие супруги накопили личные проблемы, которые его не касались. Зачем ему понадобилось влезать в их дела? Ладно еще, если бы у Ма Маньли и Лю Юэцзиня имелись какие-нибудь отношения, но до сих пор они даже не целовались, так с чего он начал изображать из себя рыцаря? Однако теперь он чувствовал себя не рыцарем, а обманутым недотепой. На следующий вечер Лю Юэцзинь снова заявился в «Парикмахерскую Маньли» и потребовал у Ма Маньли «компенсации». Но та не признавала никакого долга: «Ты свои деньги сам пожелал отдать, так что вопрос компенсации меня не касается».

Лю Юэцзинь, отдав долг Маньли из своего кармана и не получив взамен никакой благодарности, вконец ощутил себя в дураках. Хорошо еще сумма оказалась незначительной. В любом случае неприятный осадок у него остался. Зато теперь он стал наведываться в парикмахерскую с полным сознанием своей правоты.

На следующий день после того, как Лю Юэцзинь отыграл роль аньхойца, он снова наведлся к Ма Маньли. На этот раз он принарядился в купленный на ночном рынке серый костюм с галстуком. Под пиджаком на поясе он закрепил сумку с деньгами. Если появлялся повод, Лю Юэцзинь всегда надевал костюм. Сначала он не планировал заходить к Ма Маньли; он направлялся на почту, чтобы отослать деньги сыну. Но, проходя мимо парикмахерской, Лю Юэцзинь заметил, что у него остается время, и решил провести Ма Маньли. На самом деле его поход на почту оказался хорошим предлогом, чтобы в очередной раз пристать к Ма Маньли по поводу долга. На пороге парикмахерской Лю Юэцзинь наткнулся на Ян Юйхуань, которая, прислонившись к дверному косяку красила губы. Это занятие она совмещала с отслеживанием потенциальных клиентов. Заметив Лю Юэцзиня, она даже не убрала ногу с порога, что в

очередной раз убедило его в отсутствии у этой шаньсийской бестии всякого воспитания. Разозлившись, он не удостоил ее своим обычным комплиментом: «А ты еще больше похудела». Ма Маньли в это время только закончила мыть волосы клиенту и теперь усаживала его перед зеркалом для укладки. Лю Юэцзинь, понимая, что она занята, заметил на столе огромный персик и по-хозяйски взял его, чтобы утолить жажду. Покончив с персиком, он решил облагородить внешний вид и подстричь волосы в носу. Взяв ножнички, он встал перед зеркалом и занялся своим носом. Дождавшись, когда клиент досушит волосы, расплатится и уйдет, Лю Юэцзинь произнес:

– Пришел с тобой попрощаться.

Ма Маньли очень удивилась:

– Ты покидаешь Пекин?

– Не только Пекин, я покидаю этот мир.

Ма Маньли удивилась еще больше. А Лю Юэцзинь продолжал:

– Вчера мой сынок официально поставил меня перед фактом, что если я сегодня же не вышлю ему денег на обучение, он уйдет к матери. Шесть лет назад я оставил его при себе, сколько сил у меня ушло на его воспитание – и вот нате вам. Чего мне только стоили эти шесть лет! Если же он сейчас переметнется к своей матери, не будет ли это означать, что он встанет на ее сторону? Что обо мне люди подумают? Вот я и решил: зачем жить дальше?

Ма Маньли была в курсе его непростой судьбы, однако, заметив в его голосе нотки негодования, она не торопилась ему верить. Но Лю Юэцзинь, невзирая на это, продолжал гнуть свою линию. Глядя на свое отражение в зеркале, он стал поносить своего сына:

– Сучье отродье, не заигрался ли ты? Кто такая эта твоя мать? Семь лет назад она была шалавой. А за кого замуж вышла? За суррогатчика! Рано или поздно закон до него доберется! – Следом он стал жалеть себя: – Честным людям в этом мире житья нет. Кто посмелее –дохнет от переедания, у кого кишка тонка – мрет от голода. Я же поступлю иначе. Сам на себя руки накладывать не буду, а вот их, выродков, найду и зарежу обоих, пусть кровь обагрит мой нож!

Вчерашний спектакль сделал свое дело – Лю Юэцзинь вошел во вкус. Сегодня ему быстрее удалось войти в роль обиженного папаши. Он так разозлился, что лицо его стало багровым, а на щеке выступили жилы:

– Вот, зашел к тебе, а потом сразу на вокзал.

Ма Маньли попалась на его удочку и стала уговаривать:

– Да стоит ли это того, чтобы на людей с ножом бросаться?

Тогда Лю Юэцзинь заорал во всю мощь:

– А что мне, по-твоему, остается, если нужно срочно заплатить за обучение больше трех тысяч?

Этот крик отрезвил Ма Маньли. До нее дошло, что так Лю Юэцзинь пытается вернуть свои деньги:

– А ты молодец: такой спектакль разыграл ради каких-то копеек.

Не желая больше пререкаться с Лю Юэцзином и тратить на него свое время, а может, просто презирая его за скупердяйство, она вытащила из ящичка ворох каких-то совсем уж мелких купюр и швырнула их Лю Юэцзиню.

– Впредь даже не показывайся.

Лю Юэцзинь подобрал с пола деньги, пересчитал; там оказалось двести десять юаней. Выйдя из роли, он сказал:

– Про какой спектакль речь? Все чистая правда.

Глава 8. Синемордый Ян Чжи

Последние два дня Лю Юэцзиню фартило. Сыграв во вчерашнем спектакле, он заработал пятьсот юаней. И даже не деньги здесь были главным, а то, что он лично познакомился с Янь Гэ, боссом Жэнь Баоляна. Так что впредь Жэнь Баолян надлежало считаться с Лю Юэцзинем. А сегодня он разыграл спектакль в «Парикмахерской Маньли», заставив ее хозяйку отдать двести десять юаней. И в этом случае главным для него были не деньги, а то, что Ма Маньли сделала первый платеж, это значило, что она все-таки признала свой долг. Теперь сбережения Лю Юэцзиня, которые он носил при себе на поясе, составляли четыре тысячи сто юаней. Так что на почту Лю Юэцзинь отправился бравой, уверенной походкой. На улице стояли длинные автомобильные пробки, а Лю Юэцзинь шел себе пешочком в приподнятом настроении. В разговоре по телефону сын назвал ему цифру в две тысячи семьсот шестьдесят юаней, пять мао и три фэня. Однако Лю Юэцзинь не собирался высылать ему так много, он считал, что полторы тысячи будет вполне достаточно. Поступая так, Лю Юэцзинь не то чтобы оставлял деньги себе на черный день, просто он беспокоился, что сын его обманывает. Этот поросенок горазд был на такие дела, поэтому с ним требовалось держать ухо востро.

Рядом с почтой стоял газетный киоск, увешанный всевозможными газетами и журналами. Газета с фотографией певицы и Янь Гэ по-прежнему красовалась на первом плане, и вместо того, чтобы покупать свежий номер, народ брал ту вчерашнюю газету. Проходя мимо покупателей, внимательно изучавших новость, Лю Юэцзинь невольно усмехнулся. Ведь им было невдомек, что там произошло на самом деле. Народ принимал все всерьез, а между тем он, Лю Юэцзинь, вчера все это опроверг. Говоря иначе, Лю Юэцзинь представил чью-то ложь как правду. В любом случае, глядя на этих обывателей с газетами в руках, у Лю Юэцзиня возникало ощущение, что он тут единственный трезвый среди пьяных.

Поднимаясь по ступеням почты, Лю Юэцзинь вдруг снова задержался. Он услышал родное наречие. Рядом с почтой, за ящиком для писем, примостился мужичок лет пятидесяти, который зарабатывал уличным пением и игрой на эрху¹¹. Перед ним стояла фарфоровая плошка с мелочью. Нет ничего зазорного в том, что человек живет за счет своего искусства, но этот товарищ, будучи хэнаньцем, пытался на своем наречии воспроизвести популярный хит «Дар любви». Фальшивя на своем инструменте, он искажал всю мелодию, и вместо песни выходило нечто похожее на предсмертный поросычий визг. Лю Юэцзиня это покорило. Доведись ему услышать такое в обычный день, он бы и внимания не обратил, но успех последних двух дней так вскружил ему голову, что пройти мимо он уже не мог. Совать нос в чужие дела дозволено не всем. Если кто-то сильнее тебя, то совать нос в его дела не стоит, если же наоборот, то можно и выпендриться. Хотя Лю Юэцзинь работал обычным поваром на стройке, в сравнении с уличным музыкантом он мнил себя статусом повыше. Тот факт, что музыкант был хэнаньцем, тоже придавал Лю Юэцзиню смелости, поэтому он развернулся и, спустившись со ступеней, оказался перед почтовым ящиком. Мужичок, закрыв глаза, все еще предавался пению, тогда Лю Юэцзинь выкрикнул прямо у него над головой:

– Погоди-погоди, поговорить надо!

Мужичок, весь отдавшийся пению, от неожиданности вздрогнул. Решив, что перед ним страж порядка, он тут же прекратил игру и открыл глаза. Однако, увидав перед собой Лю Юэцзиня без формы, он, не церемонясь, огрызнулся:

– Чего надо?

– Что это за песня?

– «Дар любви», – только и ответил музыкант.

---

¹¹ Смычковый двухструнный музыкальный инструмент.

– Ты хэнанец?

Мужичок задрал голову:

– Хэнанец кому-то помешал?

– Помешал. Ты сам себя послушай – есть хоть одно место в этой песне, которое ты не сфальшивил? Ладно бы, если только себя позорил, но когда за тобой все хэнаньцы – это уже не дело.

Мужичок все еще упорствовал:

– Ты кто такой? Какое твое дело?

В ответ Лю Юэцзинь показал на стройплощадку вдаль:

– Видал? Вон те здания строю я.

Разумеется, Лю Юэцзиня несколько занесло, но в каком-то смысле можно было сказать и так. Вдали возвышалось сразу несколько наполовину построенных зданий будущего делового центра. И пусть даже Лю Юэцзинь не строил ни одно из них, зато он кормил строителей. С одной стороны, Лю Юэцзиня можно было воспринимать как начальника стройки, а с другой – как простого сезонного рабочего. Однако он не относился ни к первым, ни ко вторым, поскольку работал поваром. Но и как повара его тоже можно было воспринимать по-разному. По крайней мере, интонация Лю Юэцзиня внушила мужичку уважение. Заметив на Лю Юэцзине костюм с галстуком впридачу, он принял его за начальника стройки. Осознав его могущество относительно себя, музыкант несколько стушевался.

– У себя в Хэнани я исполнял под музыку сказы.

– Так и продолжай их исполнять.

– Пробовал, никто их не слушает, – обиженно ответил музыкант.

Тогда Лю Юэцзинь вытащил из висевшей на поясе сумки монетку и, бросив ее в фарфоровую плошку сказал:

– Я слушаю.

Мужичок проследил глазами за монеткой, завертевшейся на дне, потом посмотрел на Лю Юэцзиня, подкрутил струны, настроился на новый лад и стал исполнять один из хэнаньских сказов. Это была история под названием «Сестрица Ван скучает о муже». В отличие от исполнения известного хита, на этот раз голос музыканта звучал приятно и мелодично. И если еще какое-то время назад перед ним не стояло ни одного слушателя, то теперь его окружило несколько человек. Однако люди собрались вовсе не для того, чтобы послушать хэнаньские сказы, их просто-напросто привлекла перепалка двух хэнаньцев. Но музыкант принял все на свой счет, поэтому стал стараться с удвоенной силой: закрыл глаза, вытянул шею и заголосил за сестрицу Ван так, что у него вздулись вены. Лю Юэцзинь, почувствовав себя хозяином положения, стал самодовольно оглядываться по сторонам. У газетного киоска в толпе прохожих стоял человек с газетой в руках. Заметив оживление около Лю Юэцзиня, он тоже стал посматривать в ту сторону. Тут их взгляды встретились; найдя ситуацию забавной, человек улыбнулся, Лю Юэцзинь тоже ответил ему улыбкой. Тогда человек отложил газету и присоединился к толпе слушателей, встав прямо позади Лю Юэцзиня. Что там пел музыкант на своем хэнаньском наречии, никто не понимал. Самому Лю Юэцзиню приходилось слышать эту историю у себя в деревне; он очень проникся этим исполнением, а потому тоже закрыл глаза и целиком отдался своим чувствам. Вдруг Лю Юэцзинь уловил какое-то мимолетное движение вокруг своей талии, но не придавал этому значения. Но что-то его все-таки насторожило: он открыл глаза, похлопал себя по поясу и тут же обнаружил пропажу. Оказывается, вставший позади него человек ловко срезал ремешок на его поясной сумке и дал деру. Надо было срочно действовать, но вор, вырвавшись из кольца зевак, уже успел убежать. Поскольку все это произошло в одно мгновение, первое, что сделал Лю Юэцзинь – закричал: «Держи вора!» Выйдя из ступора, он пустился в погоню. Но вор был явно профессионалом: вместо того, чтобы убегать вдоль прямой улицы, он выбрал окольный путь через почтовые задворки, после чего нырнул

на вещевой рынок. Этот рынок, по сути, представлял собой целый склад, и пусть он занимал лишь небольшой переулок, продавали здесь брендовую одежду. Бренды хоть и были липовыми, зато цена всех устраивала, поэтому торговля здесь шла очень бойко. Среди мелких и крупных покупателей было много русских. Когда Лю Юэцзинь, добежав до рынка, стал снова между прилавками и покупателями, вор уже растворился в толпе.

Поскольку все случилось очень быстро, Лю Юэцзинь не успел как следует запомнить вора, в глаза ему бросилось лишь родимое пятно на левой половине лица в виде цветка абрикоса.

Глава 9. Лао Линь и начальник Цзя

Мало того, что Янь Гэ был худым, он вдобавок питался практически одними овощами, что тоже сказывалось на его телосложении. Будучи выходцем из хунаньской деревни, Янь Гэ еще в детстве из-за малого достатка питался лишь овощами. Бывало, нажарит семья целую сковороду острого перца, да и ест потом три дня вместе с рисом, после чего даже язык не чувствуется. Ну а если перца не было, то для вкуса просто добавляли в отварной рис соевый соус или горсточку солений. После окончания университета и женитьбы Янь Гэ где только не работал, но с заработком ему не везло. А ведь о родителях и братьях тоже следовало заботиться, так что шиковать ему не приходилось. Единственное, он теперь питался морковкой с капустой. Разбогатев, Янь Гэ пристрастился к мясным блюдам, а после переключился на морские деликатесы. Был небольшой период в жизни Янь Гэ, когда он помешался на акульих плавниках: он ел их на обед и на ужин, в компании и в одиночку. Но спустя три года он ими пресытился. Тогда же Янь Гэ просек, что все эти плавники по большей части представляли собой имитацию, иначе где же выловить столько акул? Тогда он снова возвратился к морковке с капустой. Совершив такой круг, он вернулся в исходную точку. На какое-то время он даже поправился, но потом снова похудел. Иногда Янь Гэ заходил на стройплощадку к Жэнь Баоляну, чтобы отведать морковку с тушеной капустой, приготовленную Лю Юэцинем. А готовил он ее вовсе не так, как Янь Гэ привык есть, когда жил впроголодь, и не так, как теперь готовил его личный повар. Раньше, когда кроме морковки с капустой на столе ничего не имелось, Янь Гэ не мог правильно оценить вкуса этих овощей. Теперь же, когда они попадали в руки его личного повара, они готовились столь деликатно – в сотейничке, при специальном температурном режиме, – что притрагиваться к ним казалось кощунством. И только столовая еда, приготовленная в огромной жаровне и в большом количестве, упаренная, с пылу с жару, размякшая, с душиком рабочего люда, да еще и вместе с двумя горячими пампушечками или рисом была настоящим праздником не только для желудка, но и для души. Но вот заведующий канцелярией Лао Линь, работавший в подчинении у начальника Цзя, относился к плотоядным и овощей не признавал. Он питался мясом, крабами, омарами, трепангами, морскими ушками и акульими плавниками. Поэтому, если Янь Гэ случалось приглашать его в ресторан, он выбирал места, где подавали мясные или морские деликатесы. Видимо, Лао Линь просто ими еще не переболел. Сегодня же, когда мужчины выбирали место встречи, они оставили в стороне морские деликатесы. Дело в том, что Лао Линь только что отобедал морской кухней, поэтому они решили пойти в ресторан-самовар, ведь там в основном были мясные блюда. Так что, усевшись за стол, Лао Линь стал налегать на мясо, а Янь Гэ выуживал из бульона овощи.

Янь Гэ знал Лао Линя уже шесть лет. В этом году Лао Линю исполнилось тридцать восемь. Семь лет назад он начинал работать у начальника Цзя обычным секретарем, а потом дослужился до заведующего канцелярией. Лао Линь был выходцем из провинции Шаньдун, которая славится крепкими, рослыми мужчинами. Однако к Лао Линю это не относилось: он не отличался ни крепким телом, ни высоким ростом. Детство его тоже нельзя было назвать счастливым. Как и Янь Гэ, наголодавшись в свое время, он теперь налегал на мясо, а потому заметно округлился. Но округлился он только телом, личико так и осталось маленьким и узеньким, поэтому, учитывая его общую хрупкость, он не производил впечатления толстяка. В параметры голосистых шаньдунцев Лао Линь тоже не вписывался. Говорил он настолько тихо, что если не напрячь слух, понять его было непросто. К счастью, объяснялся он медленно и после каждой фразы надолго замолкал, что давало возможность разобрать сказанное. Из-за близорукости Лао Линь носил очки. Всякий раз при встрече с Лао Линем Янь Гэ вспоминал одного

китайского руководителя времен своего детства – Чжан Чуньцяо¹². Чжан Чуньцяо тоже был выходцем из провинции Шаньдун. Оказавшись на высоком посту, он всегда оставался очень серьезным и, судя по его статьям, имел высокие идеалы, однако жизнь свою он закончил в тюрьме. Поскольку Янь Гэ был старым приятелем начальника Цзя, а Лао Линь появился в их кругу позже, Лао Линь относился к Янь Гэ с должным почтением. Но как-то раз Янь Гэ удалось увидеть и другую сторону личности Лао Линя. Однажды, когда они лакомились акульими плавниками, или, точнее сказать, лакомился Лао Линь, а Янь Гэ ел свои овощи, Лао Линю вдруг кто-то позвонил, судя по всему, один из замов начальника Цзя. В какой-то момент разговора Лао Линь резко сменил привычный темп и интонацию. Слова посыпались из него как из пулемета, он стал орать так, что зазвенели стекла. Неизвестно, что случилось с человеком на том конце провода, но вот Янь Гэ испугался не на шутку. По крайней мере теперь Лао Линь больше не напоминал ему Чжан Чуньцяо.

С начальником Цзя Янь Гэ познакомился пятнадцать лет назад. В те времена тот всего лишь возглавлял подразделение в одном из ведомств, сам же Янь Гэ был руководителем отдела в одной компании. Познакомились они случайно, на каком-то званом ужине. В тот вечер за столом собралась большая компания в десять с лишним человек. При таком количестве гостей их встреча приняла неофициальный формат. Алкоголь лился рекой; народ раскрепостился и стал перебрасываться сальными шуточками. Анекдоты сопровождались дружным смехом. Среди этого общего веселья молчаливо грустил лишь начальник отдела Цзя. Когда его спросили, чем он так озабочен, он, вздохнув, ответил: «Завидую я вам, большим директорам. Вот мы, чиновники, с нашей фиксированной зарплатой еле-еле сводим концы с концами». Окружающие не приняли его слова всерьез, решив, что он говорит так просто, для отвода глаз, поэтому продолжили выпивать и смеяться. А вот Янь Гэ почувствовал, что начальника Цзя тревожит что-то еще. Поскольку сидели они рядом, Янь Гэ снова пристал к нему с расспросами и узнал, что у матери начальника Цзя обнаружили рак печени, ее положили на операцию, на оплату которой ему недоставало восьмидесяти тысяч юаней. Он не в силах был самостоятельно раздобыть такую сумму, поэтому ему было не до веселья. Сегодня он пересилил себя и пришел на эту дружескую попойку лишь затем, чтобы занять у обеспеченных приятелей деньги. Однако всеобщее веселье не давало ему удобного случая подступить к своей просьбой, вот он и грустил. Янь Гэ уже и сам был не рад, что узнал обо всем этом, так как не понимал, как ему на это реагировать. Денег у него вроде и не просили, но о наболевшем рассказали. Сам Янь Гэ с удовольствием бы помог, но в те времена он еще не мог похвастать своим положением: он также получал фиксированную зарплату, поэтому больших денег у него не водилось. К тому же они впервые виделись и были друг другу совершенно чужими. Ситуация оказалась щекотливой, и пришлось этот разговор замять. Банкет окончился, Янь Гэ успел позабыть о проблеме начальника Цзя. На следующий день, когда он на своем рабочем месте сортировал визитки, ему попала визитка его вчерашнего знакомого Цзя. Глянув, кто он такой, Янь Гэ обомлел. Вчера он не обратил внимание на организацию, где работал Цзя, а потому воспринимал его как обычного служащего. Но сегодня, внимательно рассмотрев визитку, он узнал, что тот занимает пост в одном из ключевых министерств государства. Сердце Янь Гэ невольно забилось быстрее, словно он напал на золотую жилу. Отложив визитку, он взял такси и направился в уезд Тунсянь под Пекином. Восточнее Тунсяня на территории провинции Хэбэй находился городок Саньхэ. Именно там проживал одноклассник Янь Гэ Дай Инцзюнь. В годы университетской учебы они жили в одной комнате. На втором курсе Дай Инцзюнь из-за несчастной любви несколько раз пытался покончить с собой. В итоге отец приказал ему вернуться домой в Саньхэ, и в университете Дай Инцзюнь больше не появлялся. Кто же мог подумать, что это окажется прямой

¹² Чжан Чуньцяо (1917–2005) – один из руководителей КНР в годы «культурной революции», был отнесен к «банде четырех».

дорогой к счастью? Вместе с отцом Дай Инцзюнь открыл фабрику по производству бумаги, причем не писчей, а туалетной, и через несколько лет они на этом разбогатели. После окончания университета Янь Гэ встречался с ним несколько раз; Дай Инцзюнь к тому времени так отъелся, что из-за его толстых щек едва можно было разглядеть глаза, а стоило ему раскрыть рот – матерился как сапожник. Это был уже не тот пылкий романтик Дай Инцзюнь, с которым Янь Гэ познакомился в университете. Поначалу приезд Янь Гэ очень обрадовал Дай Инцзюня, но услышав, что тот приехал просить денег, он изменился в лице.

– Твою мать, почему я так многим нужен со своими деньгами? Мне мои деньги тоже не с неба сыплются. Продажа каждого клочка бумажки мне кровью достается. Это не так-то просто!

– Я бы не стал беспокоить тебя из-за ерунды: у меня отец в больнице, – объяснил Янь Гэ.

Эта новость не оставила Дай Инцзюню шансов к отступлению, поэтому, ругаясь на чем свет стоит, он все-таки нашел бухгалтера и одолжил Янь Гэ восемьдесят тысяч. С этими деньгами Янь Гэ тут же вернулся в Пекин и направился напрямик к начальнику Цзя. Оказавшись на месте, Янь Гэ предварительно ему позвонил и сказал, что проходя мимо, решил просто с ним повидаться. Начальник Цзя спустился вниз и пригласил Янь Гэ пройти в здание, но тот, сославшись на занятость, лишь передал ему газетный сверток, в котором лежали восемьдесят тысяч. Начальник Цзя так и застыл на месте.

– Да я вчера просто так поделился, а вы приняли это на свой счет.

– У меня они все равно лежали без дела, – ответил Янь Гэ и добавил: – Что-нибудь другое можно оставить без внимания, но с матерями так нельзя.

Чиновник был настолько растроган, что в глазах его заблестели слезы.

– Тогда я возьму, – решившись, сказал он, крепко сжав плечо Янь Гэ. – Надеюсь, брат, что и я тебе когда-нибудь пригожусь.

Операция не спасла жизни матери начальника Цзя. Спустя полгода у нее появились множественные метастазы, и она умерла. Но поступок Янь Гэ твердо отпечатался в памяти начальника Цзя. Когда Янь Гэ с ним только познакомился, тому уже исполнилось сорок шесть, что не сулило перспектив в карьере. Кто бы мог подумать, что он все-таки продолжит продвижение по служебной лестнице? Через год он дослужился до замначальника управления, еще через два сам стал начальником. Потом его назначили замначальника более высокого ранга, что повысило его до чиновника министерского уровня. В конце концов его назначили на самый высокий пост в министерстве. То, что Янь Гэ познакомился с ним еще на заре его служебной карьеры, было особенно ценным. Их дружба крепчала по мере продвижения начальника Цзя. Дружеские отношения нужно завязывать тогда, когда люди еще не обременены регалиями. А когда человек уже всего добился, он или не испытывает недостатка в друзьях, или воздерживается от близких знакомств, потому как заводить друзей оказывается поздно. Уже заняв самый высокий пост, начальник Цзя как-то за ужином при личной встрече ткнул в сторону Янь Гэ палочками и сказал:

– А ты ведь оказался очень дальновидным. – Будучи подвыпившим, он добавил: – Кругом одни пустобрехи. Я тебя за те восемьдесят тысяч всю жизнь помнить буду.

Янь Гэ тотчас поспешил отмахнуться:

– Начальник Цзя, да я давно забыл о таких пустяках. Даже не напоминайте.

Ведомство, которым руководил начальник Цзя, контролировало торговлю недвижимостью и выдачу разрешений на землю под жилищное строительство. Когда дела у начальника Цзя пошли в гору, и Янь Гэ, естественно, в стороне не остался. Он ушел из своей прежней компьютерной компании и основал собственную девелоперскую фирму. Через двенадцать лет состояние Янь Гэ исчислялось в миллиард с лишним юаней. Так что начальник Цзя оказался благодетелем Янь Гэ. Но где это видано, чтобы благодетели сами для вас все устраивали? В этом мире нельзя просто так уповать на судьбу – роль благодетеля прочат заранее.

Янь Гэ ощущал, как в течение десяти с лишним лет их отношения с начальником Цзя тоже менялись. Причем эти изменения происходили не по инициативе Янь Гэ, а по инициативе начальника Цзя. Он, так сказать, был главным, в то время как Янь Гэ приходилось ему подчиняться. Корректировка осуществлялась с подачи начальника Цзя, и игнорировать ее никак не получалось. Хотя они и назывались друзьями, их разные социальные статусы, строго говоря, не позволяли им дружить. И если начальник Цзя мог иметь в друзьях Янь Гэ, то Янь Гэ было непозволительно называть начальника Цзя своим другом. Иначе говоря, пока начальник Цзя был просто чиновником Цзя, они считались друзьями, но как только начальник Цзя занял высокий пост, они таковыми считаться перестали. Однако при личном общении они оставались друзьями, а вот на публике им надлежало вести себя в соответствии со своим социальным статусом. Янь Гэ, как человек здравомыслящий, не только на публике выражал начальнику Цзя должное почтение, но и при личном общении старался вести себя максимально тактично. Разумеется, когда у Янь Гэ завелись деньги, и начальник Цзя разбогател. Ведь без него никаких денег у Янь Гэ бы не было. Уж для кого-кого, а для начальника Цзя Янь Гэ денег никогда не жалел. В то же время Янь Гэ понимал, как именно надлежало отдавать эти деньги, ведь начальник Цзя не допускал никаких денежных переводов или перечислений на карту, он признавал только наличку. Они всегда встречались с глазу на глаз, чтобы не оставлять никаких улик. Что уж говорить о табу которое было наложено на разговоры об их развратном образе жизни. За двенадцать лет Янь Гэ прекрасно усвоил, что если человек наделен деньгами и властью, то ему позволено все. При этом толстосум не то чтобы ищет приключений на свою задницу, а скорее, голая задница сама ищет его и найти не может. Превратившись в крупную шишку, начальник Цзя приобрел особый лоск, его рукопожатия стали мягкими, а ладошка влажной; когда он улыбался, его лицо напоминало арбуз. Раньше в нем жила хоть какая-то искренность, теперь же каждую его фразу можно было понять по-разному: он говорил метафорами и при любой возможности, даже когда шутил, загибал для убедительности пальцы. Например, рассуждая о симпатичных женщинах, он мог привести сравнение с оленихой: во-первых, у нее должна быть маленькая головка, во-вторых – длинная шея, в-третьих – большая грудь, в-четвертых – стройные ноги. Казалось бы, все очень наглядно и понятно, однако в конце он мог добавить фразочку типа: «Все великие герои преследуют оленей»¹³. Причем говорил он это с такой злобой и отвращением, что было не понятно, как на это реагировать. О ком он думал в тот момент, о конкретной женщине или о ком-то другом, оставалось загадкой. Янь Гэ теперь уже окончательно понял, что начальник Цзя уже не тот, что прежде. Как-то раз в выходные Янь Гэ вместе с начальником Цзя отправились в Бэйдайхэ¹⁴, чтобы отдохнуть у моря. Вечером, когда они прогуливались по набережной, наслаждаясь свежим ветерком, начальник Цзя вдруг обронил:

– Пока не станешь чиновником, не поймешь, что есть шишки покрупнее.

Янь Гэ не понял, что это значило, поэтому никак не отреагировал. Между тем начальник Цзя продолжал вздыхать:

– Кажется, что ты оказался среди волков и шакалов, а на самом деле они просто опарыши.

До Янь Гэ дошло, что тот сетует на нелегкую долю чиновников. А начальник Цзя возьми и добавь:

– Было бы неплохо, если бы часть из них передохла.

У Янь Гэ даже мурашки пробежали по телу; он не понимал, к кому именно относится эта фраза, чем эти бедолаги провинились и почему их смерть принесет облегчение, поэтому продолжал молчать. Когда-то раньше у Янь Гэ было предчувствие, что чиновник Цзя ему еще пригодится, сейчас же у него возникло предчувствие, что их дружба не продлится всю жизнь, и в один прекрасный день начальник Цзя его возьмет и отфутболит. Не могли же их отноше-

¹³ Идиома, означающая борьбу за превосходство.

¹⁴ Курортный район на Желтом море недалеко от Пекина.

ния развиваться лишь за счет денег и совместных оргий. Наверняка наступит момент, когда начальник Цзя с ним поссорится и тем самым поставит точку в их отношениях. Янь Гэ придется принять такое положение вещей, поскольку возможности ответить тем же у него просто-напросто не имелось.

И этот день наступил. С недавнего времени они оба сидели в одной и той же яме. В конце апреля прошлого года начальник Цзя проводил в Чжуннаньхае¹⁵ совещание. Вечером того же дня он договорился с Янь Гэ вместе поужинать. За ужином он спросил Янь Гэ, каким свободным капиталом тот обладает на данный момент. Янь Гэ подумал и осторожно ответил:

– Миллиард с лишним найдется.

Тогда начальник Цзя ему сообщил, что в финансовой политике КНР после первого мая, скорее всего, начнется период урегулирования. Он предлагал Янь Гэ инвестировать деньги в финансовый рынок, к примеру, оформить фьючерсные сделки или приобрести какие-нибудь акции. Покачивая вино в бокале, начальник Цзя рассуждал:

– Это нелегкий труд – зарабатывать деньги, целыми днями пропадая на стройках. Большие деньги окольных путей не любят, нужно, чтобы они сами себя производили.

Разумеется, Янь Гэ был не против обогащения. Однако он не собирался сколачивать себе огромное состояние, да и вообще, сколько денег можно считать большими? Его вполне устраивал тот заработок, который ему приносило строительство. К тому же он ничего не смыслил в финансовых делах, поэтому сомневался в перспективе такого поворота. Своими мыслями Янь Гэ поделился с начальником Цзя. Но тот в ответ сказал: «Не смыслишь, так можно научиться, ведь и строительством ты раньше не занимался».

Янь Гэ понимал, что начальник Цзя прав. Впрочем, если бы даже он был не прав, Янь Гэ все равно следовало послушаться, ведь по статусу он был ему не ровня. Начальнику Цзя было виднее, к тому же после такого важного совещания. Поэтому Янь Гэ взял и все заработанные деньги целиком инвестировал во фьючерсы и акции. Поначалу дела его действительно пошли в гору однако спустя полгода он стал терпеть убытки. И произошло это вовсе не потому, что Янь Гэ ничего не смыслил в финансах, причиной всему оказались очередные поправки в финансовой политике государства, принятые после первого октября. Янь Гэ пришлось уступить дорогу государству. Да и кто же в таких делах способен тягаться с госмашиной? Поначалу он еще надеялся, что выберется из долгов, но через год оказалось, что он выбросил на ветер не только свой инвестированный миллиард и четыреста миллионов, но еще и задолжал больше четырехсот миллионов банку. Его постиг крах не только на финансовом рынке, под угрозу попала вся его недвижимость. Если раньше Янь Гэ обогащался за счет строительства, то теперь на десяти с лишним стройплощадках уже полгода не оплачивались ни сырье, ни труд рабочих. Прошел всего-то год с лишним, а положение Янь Гэ изменилось донельзя: из представительного богача он превратился в погрязшего в долгах голодранца. Предотвратить крах и вернуть недвижимость в общем-то было можно, но все осложнялось тем, что на это опять-таки требовались деньги, а на Янь Гэ и так уже висел долг свыше четырехсот миллионов. Хорошо еще, что банк не возбудил против Янь Гэ дела из-за того, что тот полгода не выплачивал процентов. Как же он мог при таких обстоятельствах брать дополнительный кредит? Янь Гэ ничего не оставалось, как просить начальника Цзя, чтобы тот обратился в банк за содействием. Но начальник Цзя отошел в сторону. Он стал отговариваться тем, что банки ему не подчиняются. Однако ведь и раньше банки ему не подчинялись, тем не менее он мог посодействовать. Почему же сейчас, когда Янь Гэ оказался в критической ситуации, начальник Цзя ему отказывал? Угодив не так давно в одну яму с начальником Цзя, теперь Янь Гэ остался в ней один. Но разве не начальник Цзя посоветовал ему пристроить финансы таким образом? Да если бы Янь Гэ продолжал честно строить свои дома, ничего бы и не случилось. А теперь, вляпавшись в неприятность, он

---

¹⁵ Резиденция высших органов КНР в центре Пекина.

уже два месяца не мог выловить начальника Цзя. Если раньше тот сразу брал трубку, то сейчас или вообще не брал, или переключал звонок на секретаря. Когда Янь Гэ звонил заведующему канцелярией Лао Линю, тот отвечал на его звонки, даже проявлял обходительность и обещал непременно передать все начальнику Цзя, однако все этим и ограничивалось. Тогда-то Янь Гэ и почувствовал, что начальник Цзя решил разорвать с ним отношения. Случись это в обычное время, Янь Гэ не было бы обидно, но поскольку сейчас он переживал роковой момент, поведение начальника Цзя расценивалось им как безнравственное. И даже если опустить тот факт, что весь этот кавардак спровоцировал начальник Цзя, и то, что пятнадцать лет назад Янь Гэ помогал спасти его мать, а упомянуть лишь о заслугах начальника Цзя, который давал добро на застройку, то и в этом случае Янь Гэ никогда не оставался в должниках. По самым грубым подсчетам, тех денег, которые отваливались начальнику Цзя, хватило бы не на один смертный приговор. Сам Янь Гэ не собирался заводить их отношения в тупик, ведь в таком случае ему тоже бы не поздоровилось. Однако на следующий день после того, как в газету попало фото Янь Гэ с певицей, заведующий канцелярией Лао Линь сам позвонил Янь Гэ, чтобы договориться о встрече. Так они оказались в ресторане-самоваре.

Хотя Лао Линь был всегда очень обходителен с Янь Гэ, тот, хоть и отвечал ему тем же, однако в глубине души его недолюбливал. Этот уроженец провинции Шаньдун всегда оставался крайне серьезным и щепетильным. Щепетильные люди имеют склонность менять свои решения, однако Лао Линь в своих мыслях и поступках соблюдал последовательность и категоричность. Взять, к примеру, те же деньги. Янь Гэ никогда не передавал деньги начальнику Цзя через Лао Линя, это всегда оставалось их личным делом. Сам Лао Линь тоже прикидывался, что ему ничего неизвестно, тем не менее он мог запросто попросить Янь Гэ дать на лапу. И хотя Янь Гэ и начальник Цзя были старыми друзьями, а Лао Линь – всего лишь подчиненным начальника Цзя, он целыми днями терся рядом: что называется, редиска невелика, да растет под ногами. Иначе говоря, такие люди могут и спасти, и сразить, поэтому Янь Гэ старался его не обижать. Янь Гэ уже трижды одалживал Лао Линю деньги, поэтому, чтобы как-то сгладить ситуацию, Янь Гэ потом стал предлагать ему деньги сам. Начальнику Цзя отламывался кусок побольше, а Лао Линю – поменьше, но так или иначе это был подарок. Однако в первом случае Янь Гэ делал это, руководствуясь порывом сердца, а во втором – из необходимости. Если начальника Цзя Янь Гэ воспринимал как Будду ожидающего подношения, то Лао Линь ему представлялся не иначе как злым и голодным псом или волчарой. Начальник Цзя, принимая деньги, непременно говорил «благодарствую» или «чтобы больше такого не было», в то время как Лао Линь не затруднял себя даже простым «спасибо», воспринимая подношение как должное. Проглотив один кусок, он нацеливался на следующий. Начальнику Цзя уже стукнуло шестьдесят, и он собирался на пенсию, поэтому можно было понять, почему он принимал взятки. А Лао Линю не исполнилось даже сорока: ему бы еще работать и работать, а он уже превратился в хапугу. Янь Гэ было страшно представить, каким станет общество, если поколение начальника Цзя вдруг сменит поколение Лао Линя. Развлекаясь с девицами, Лао Линь тоже демонстрировал напористость. Когда Янь Гэ иногда баловал начальника Цзя русскими или корейскими девушками, Лао Линь всегда норовил первым испытать удовольствие. А сделав свои дела, он еще и не стеснялся проявлять эмоции. Янь Гэ знал, что почтение Лао Линя к начальнику Цзя сугубо показное. Однако Янь Гэ не решался озвучить начальнику Цзя свои мысли касательно места Лао Линя и тех дел, которые он творит за спиной начальника. Между тем перед начальником Лао Линь продолжал изображать подобострастие. Но чем больше он усердствовал, тем страшнее становилось Янь Гэ. Лао Линь теперь внушал ему страх даже больший, чем начальник Цзя. Последние два дня Янь Гэ, можно сказать, оказался между молотом и наковальней. С одной стороны, зияла неминуемая финансовая пропасть, а с другой – из-за фото в газете у него возникли проблемы в семейной жизни. Янь Гэ надеялся, что своим спектаклем он обманет жену. Казалось бы, он учел все мелочи, но его прокол с часовым табло лишь

усугубило его и без того плачевное положение. После скандала в машине Цюй Ли устроила ему скандал дома. Заявив ему о разводе, она взяла и сбежала. С ее стороны это был удар ниже пояса. Цюй Ли хоть и не афшировала это, но все знали о ее болезни, однако сейчас ее побег выглядел так, словно его спровоцировал Янь Гэ. Поскольку вся ответственность легла на его плечи, он не мог не заняться поиском жены. На эти два дня Янь Гэ заставил себя забыть о проблемах на работе и усиленно пытался найти Цюй Ли. Ее мобильник был выключен, и Янь Гэ не знал, в каком направлении она скрылась: в Пекине она, в Шанхае или где-то еще? Он опросил всех знакомых, но безрезультатно. И в этот самый момент ему позвонил Лао Линь с просьбой о встрече. Поскольку эта встреча могла касаться бизнеса, Янь Гэ не мог ее проигнорировать. Тогда он решил на время забыть о Цюй Ли и встретиться с Лао Линем. За столом Лао Линь хранил молчание, полностью увлекшись процессом приготовления и поедания мяса. Янь Гэ не знал, какова цель этой встречи, а спрашивать напрямую было как-то неудобно. И только когда Лао Линь, потев, опустошил содержимое двух тарелок, а затем, отложив палочки, закурил, Янь Гэ, наконец, решил прощупать почву:

– Как жизнь?

Оставив этот вопрос без ответа, Лао Линь вытащил из портфеля газету и положил на стол. Это была та самая газета, на фото которой Янь Гэ засветился вместе с певицей. Смачно оторвав, Лао Линь ткнул палочками в фотографию и сказал:

– А ты хорош. Слышал, что вчера еще и спектакль разыграл, чтобы все уладилось.

Сообразив, о чем пойдет речь, Янь Гэ облегченно вздохнул и, покачивая головой, пожаловался:

– Да уж, оказался без вины виноватый.

После этого он рассказал, как от него сбежала жена, как он ее ищет и не может найти. Лао Линь с улыбкой его выслушал, а потом, изменившись в лице, спросил:

– Я понял, что спектакль ты затеял для жены, а какова была твоя изначальная цель? Сколько ты заплатил этому фотографу? Начальнику Цзя это очень не понравилось.

И тут до Янь Гэ дошло, что Лао Линь все просек. Причем он просек все его ходы. Да, действительно, Янь Гэ разыграл спектакль, чтобы одурачить Цюй Ли, но не только для этого. Да, он боялся, что взрывоопасная Цюй Ли приведет в действие другую бомбу. Однако то фото в газете появилось не случайно – Янь Гэ лично позаботился о его публикации. И предназначался этот сюрприз начальнику Цзя. Оставшись без его поддержки в самую трудную минуту, Янь Гэ возненавидел начальника Цзя и теперь вознамерился ему отомстить. Он пошел на вынужденный риск, чтобы показать, кто есть кто. Та певица сблизилась с Янь Гэ еще три года назад. Свою известность и возможность воспевать Родину с матерями она получила исключительно благодаря толстому кошельку Янь Гэ. Прошлой весной он взял ее на ужин с начальником Цзя. Хорошо покушав, тот пришел в самое благодное расположение духа и, когда речь зашла о делах, стал в своей излюбленной манере сыпать примерами и убедительно загибать пальцы. Казалось, сегодня по красноречию он превзошел самого себя, певица только и успевала одобритительно покачивать головой. Тогда же Янь Гэ сообразил, что начальник Цзя не прочь познакомиться с ней поближе. Что такое «дела постельные», если человек обладает деньгами и властью? Тогда Янь Гэ взял и исподтишка предложил свою пассивку начальнику Цзя. После этого случая певица и начальник Цзя пересекались еще раз. Однако в скором времени начальник Цзя сам от нее отстранился. Так или иначе, но он тертый калач и прекрасно понимал, что в любом деле не следует перегибать палку. Хотя их связь быстро оборвалась, в душу она все-таки запала. Тогда Янь Гэ, который уже два месяца не мог выловить начальника Цзя, выманил на улицу певицу и нанял фотографа, чтобы тот осторожно щелкнул их вместе. Изначально Янь Гэ планировал передать эту фотографию непосредственно начальнику Цзя, так сказать, в качестве напоминания. Он никак не ожидал, что предатель фотограф возьмет и продаст это фото журналистам. Вообще-то говоря, фотограф вовсе не хотел навредить Янь Гэ. Получив

от него заказ, он не знал, кто именно появится в кадре вместе с ним. Это уже потом, узнав в женщине известную певицу и, как оказалось, любительницу батата, якобы страдавшую анорексией, он решил продать эту горячую новость журналистам и как следует на ней подзаработать. Так что для Янь Гэ такое развитие событий оказалось полным сюрпризом, поэтому ему и пришлось придумывать, как разруливать ситуацию. Но, как говорится, нет худа без добра. Кто бы мог подумать, что начальник Цзя, увидав фото в газете, тотчас попросит Лао Линя о встрече с Янь Гэ. Узнав от Лао Линя о реакции начальника Цзя, Янь Гэ вместо того, чтобы испугаться, возликовал: не зря он все-таки нанял фотографа. Все всё поняли без лишних слов. И поскольку Лао Линь раскрыл свои карты, у Янь Гэ тоже отпала необходимость скрывать, тогда он признался:

– Я не рассчитывал, что это попадет в газету.

Объяснив, что его обманул нанятый фотограф, он заключил:

– На самом деле все очень просто: если начальник Цзя позвонит кому надо и попросит банк ссудить мне двести миллионов, я буду спасен.

Лао Линь холодно усмехнулся:

– Хватит пороть чушь! Неужели ты считаешь, что сто-двести миллионов помогут тебе выбраться из этого дерьма? – Лао Линь снял свои запотевшие от пара очки и, протирая их, вздохнул: – Начальник тебя вовсе не кинул. Ему эти три месяца самому несладко приходится, кто-то за его спиной строит козни.

Янь Гэ сомневался в правдивости слов Лао Линя. С этими товарищами следовало держать ухо востро, учитывая, что отговорки были их излюбленным приемом. Янь Гэ начал заводитьсь.

– Значит, корабль дал течь, и вы решили выкинуть меня за борт? Что ж, я знаю, куда пойду, если банк начнет против меня тяжбу.

Приложив руку к горлу, он намекнул:

– Кто знает, можно и головы не сохранить.

Он ткнул пальцем в газету.

– Если вы сейчас кинете меня подыхать, я церемониться не буду. Раз уж мне удалось вытащить больную певицу за бататом, то разговорить ее тоже не составит труда.

Лао Линя это огнюдь не испугало.

– Нашел чем угрожать. Пусть говорит, что угодно, это не более чем бульварные новости.

Непрошибаемость Лао Линя задела Янь Гэ. Тогда он решил попробовать другую тактику и прикинулся рассерженным. Схватив газету, он в два счета разорвал ее.

– Это всего лишь предупреждение. Если реакции не последует, мне придется пойти на крайние меры.

С этими словами он извлек из кармана флешку и положил ее на стол.

– Внутри все разбито по категориям и по датам.

На этот раз Лао Линь насторожился:

– Что там?

– Несколько бесед. Ты ведь прекрасно понимаешь, о чем мы беседовали все эти долгие годы. Имеются еще несколько видео с точными датами, которые демонстрируют все ваши с начальником Цзя высокие качества. Там же можно найти записи с оргиями, на которых начальник Цзя резвился с русскими и корейскими девицами. Кстати замечу, если посмотреть на время записи, ты всегда норовил получить удовольствие раньше своего начальника.

Лао Линь никак не ожидал такого удара, на его лице и шее выступила испарина.

– А ты молодец – чего выкинул.

Янь Гэ зажег сигарету.

– Я тут ни при чем. Это мой помощник постарался. Два месяца назад он попал в автокатастрофу, и это нашли у него в компьютере. Он, видимо, планировал меня пошантажировать, а в результате оказал услугу.

Теперь уже наступил черед Лао Линя сомневаться в правдивости слов Янь Гэ. А тот продолжал давить:

– Как говорится, в тихом омуте черти водятся, чужая душа – потемки. А ведь я так хорошо относился к нему при жизни, делился с ним всем на свете, поручал важнейшие дела. Зачастую так получается, что люди, которым мы больше всего доверяем, оказываются бомбой за медленного действия. – Сделав паузу, он добавил: – Но и от него вышла польза, так что, можно сказать, помер он не напрасно.

Лао Линь взял флешку и стал вертеть ее в руках. Тогда Янь Гэ сказал:

– Дарю, заодно покажешь начальнику, у меня имеются копии.

Янь Гэ тоже оказался горазд на расправу. Раньше он не был таким и презирал людей такого сорта – этих кровопийц-толстопузов. А тут вышло, что и он попал в их ряды.

Однако Янь Гэ удивило, что Лао Линь не купился на его предложение. Он просто взял и бросил улику прямо в кипящую на столе кастрюлю, в которой флешка стала кувыряться вместе с мясом.

Глава 10. Хань Шэнли

Оставшись без своей сумки, Лю Юэцзинь готов был отправиться на тот свет. И теперь уже всерьез. Ведь в ней лежало четыре тысячи сто юаней. Эти деньги были для него всем. На отчаянный поступок Лю Юэцзиня толкали даже не деньги, а то, что лежало в сумке помимо них: удостоверение, телефонная книжка, листок со столовской бухгалтерией за последний месяц, где на одной стороне значились запланированные расходы, а на обратной – доходы за счет скидок. Кроме того, вместе с сумкой он также утратил свидетельство о разводе. После развода с Хуан Сяопин прошло уже шесть лет, а Лю Юэцзинь все еще хранил этот документ. Когда-то желтая бумага спустя шесть лет приобрела землистый оттенок. Ведь эта сумка, в которой Лю Юэцзинь хранил свои документы, сопровождала его всегда и везде. Учитывая, что все эти годы он работал на кухне, сумка засалилась, свидетельство из-за кухонного чада тоже закоптилось и отсырело. Честно говоря, никакой необходимости хранить этот документ уже не было; ничего, кроме горького осадка, он не вызывал. Однако именно ради этого горького осадка Лю Юэцзинь его и оставил. Просыпаясь иной раз среди ночи, он вытаскивал свидетельство из сумки и бормотал: «Сбудется моя мечта, все-таки сбудется» или: «Вот гад, когда-нибудь он со мной все равно рассчитается». В такие минуты Лю Юэцзинь напоминал раскулаченного помещика, который не терял надежды возратить свое добро. Это, в частности, и останавливало его от самоубийства, поскольку Лю Юэцзинь понимал, что «этот гад» перед ним в неоплатном долгу на всю жизнь. Дело в том, что к свидетельству о разводе была прикреплена долговая расписка Ли Гэншэна на сумму в шестьдесят тысяч юаней. Шесть лет назад, когда Хуан Сяоцин попросила Лю Юэцзиня оформить развод, тот потребовал от Ли Гэншэна шестьдесят тысяч за моральный ущерб. Ли Гэншэн с радостью согласился:

– Ты только разведись и получишь свои деньги.

Лю Юэцзинь понимал, что радость Ли Гэншэна адресована не ему, а Хуан Сяоцин и ее талии. Однако потом Ли Гэншэн сказал, что эти шестьдесят тысяч он отдаст Лю Юэцзиню через шесть лет. При этом добавил, что деньги будут выплачены лишь при условии, что в течение шести лет Лю Юэцзинь ни коим образом не будет ему напоминать про этот долг. В противном случае долг автоматически аннулируется и никто, кроме Лю Юэцзиня, в этом виноват не будет. В конце Ли Гэншэн добавил:

– Согласен – хорошо, нет – так нет.

Чтобы получить шестьдесят тысяч юаней, Лю Юэцзиню ничего не оставалось, как согласиться. Взамен этого Ли Гэншэн дал ему долговую расписку, в которой значилось, что выплата будет произведена через шесть лет в случае, если Лю Юэцзинь за это время ни разу не напомнит о долге. Позже Лю Юэцзинь понял, что кое в чем другом он сильно просчитался. Отстояв у Хуан Сяопин право оставить после развода сына, Лю Юэцзинь поддался импульсу и горделиво отказался от алиментов, при том что бывшая супруга сама предложила ему ежемесячную выплату в размере четырехсот юаней. Тогда ему казалось, что долг Ли Гэншэна и деньги на воспитание сына – это две разные вещи, поэтому долговую расписку он принял. Однако уже через несколько лет Лю Юэцзинь понял, что деньги есть деньги, и совершенно не важно, кто и в каком виде их дает – распиской или наличкой. Если бы Лю Юэцзинь в течение шести лет ежемесячно получал четыреста юаней, вышло бы тридцать тысяч. Чем больше он думал об этом, тем важнее для него становились обещанные шестьдесят тысяч. Можно сказать, эти деньги компенсировали его потерю в тридцать тысяч юаней. До выплаты по расписке оставался всего лишь месяц. Но тут его угораздило послушать уличного музыканта. Причем сам Лю Юэцзинь стоял себе спокойно и никого не трогал, и вдруг – вжик! – и его сумки как не бывало. Пропала сумка, а с ней и свидетельство о разводе; пропало свидетельство, а с ним и расписка; пропала расписка, и где теперь гарантия, что этот суррогатчик Ли Гэншэн отдаст ему деньги?

Когда Лю Юэцзинь застукал Ли Гэншэна со своей женой и, казалось бы, правда была на его стороне, Ли Гэншэн не только молча его отдубасил, но еще и закурил, усевшись голым задом на стул. Поэтому теперь, когда Лю Юэцзинь утратил расписку, он уже заранее предвидел его реакцию. Ли Гэншэн не будет утруждать себя исполнением обещания, наверняка еще возмутится: «Потерял? Да никакой расписки вообще не было!» или: «Что? До ручки дошел? Шантажировать вздумал?» Хуан Сяоцин тоже знала о расписке, поэтому в случае пропажи она могла подтвердить, что такая бумага имелась. Но Хуан Сяоцин теперь стала женой другого, Лю Юэцзинь для нее ушел в прошлое, и ей следовало блюсти интересы другого мужчины. За эти шесть лет Лю Юэцзинь видел ее лишь один раз. Прошлым летом, после поездки в Хэнань на уборку пшеницы, он возвращался в Пекин, где работал поваром на стройплощадке. На вокзале в Лояне он купил билет и примостился на площади в ожидании своего поезда. Стояла жара, он захотел пить и, чтобы не тратиться, пошел к ближайшему отелю, перед которым находилась автомойка. Там, прямо у крана со шлангом, Лю Юэцзинь присел на корточки и отвел душу. В это время рядом с ним остановилась «ауди», из которой вышли двое: Ли Гэншэн и Хуан Сяоцин. Они тоже прибыли на вокзал, видимо, отправлялись в очередную командировку впаривать кому-то свою паленую водку. Ли Гэншэн Лю Юэцзиня не заметил. Хуан Сяоцин, выйдя из машины, стала наказывать водителю, чтобы он в их отсутствие присматривал за собачкой. Дав указания, она повернулась и увидела Ли Юэцзиня с резиновым шлангом в руках. Лю Юэцзинь невольно встал, однако Хуан Сяоцин с ним даже не поздоровалась, а сразу направилась вслед за Ли Гэншэном. Теперь они превратились в посторонних людей. Поэтому в случае с пропавшей распиской на Хуан Сяоцин вряд ли можно было надеяться. Так что Лю Юэцзинь, можно сказать, свои денежки потерял. Для Ли Гэншэна эти шестьдесят тысяч ничего не значили, а вот для Лю Юэцзиню они значили многое. Каких только планов он себе не понастроил на эти шестьдесят тысяч. И пусть ему было горько вспоминать, каким путем они ему достались, надо признать, что с этой распиской ему жилось спокойнее. В сердце его теплилась надежда, что по истечении шести лет он все-таки получит шестьдесят тысяч. Иной раз эти деньги превращались в своеобразное оружие. Например, если Лю Юэцзиню звонил сын и начинал канючить: «Почему еще не отправил деньги, может, у тебя их нет?» – Лю Юэцзинь мог уверенно возмутиться: «Это у меня-то нет? Да если даже оставить в стороне деньги на текущие расходы, у меня имеется еще шестьдесят тысяч». – «Так чего же ты ждешь? Высылай!» – настаивал сын. – «Они на депозите, срок еще не вышел», – отвечал Лю Юэцзинь. Таким образом, эти шестьдесят тысяч давали Лю Юэцзиню надежду и точку опоры в этой жизни. Неожданная утрата денег стоила ему потери душевного равновесия; словно из-под ног ушла плита перекрытия, и он с высоты ухнул вниз. Заметив пропажу, Лю Юэцзинь тотчас побежал за вором, но догнать его не смог. Выйдя за пределы рынка, он присел на корточки, в голове его царила полная пустота. Подобные ощущения он испытал шесть лет назад, когда застукал жену в постели с любовником. И снова ему показалось, что жизнь кончена. Лю Юэцзинь не помнил, как он вернулся на стройплощадку. Ни с кем своей бедой он не поделился. А что толку? Он, может, и рад был поплакаться, но не мог. Ладно еще вспомнить про четыре тысячи сто юаней, а как рассказать про свидетельство о разводе и долговую расписку? Признаться, что ему дали эту бумажку за то, что переспали с его женой? Впрочем, без расписки выходило, что переспали с ней за просто так. В общем, как ни крути, а эта дурацкая пропажа сумки для других оборачивалась анекдотом. Лучше о таком вообще не распространяться. Пенять за то, что сунул нос в чужие дела, Лю Юэцзиню следовало только на себя. Ведь он шел на почту посылать деньги, а тут услышал в исполнении уличного музыканта хит «Дар любви», и он ему, видите ли, не понравился, подавай ему хэнаньский сказ «Сестрица Ван скучает о муже». Если бы Лю Юэцзинь сразу пошел по своим делам, ничего бы не случилось. Но вместо этого он стал поучать музыканта и в результате лишился сумки. Понятное дело, что вор поступил подло, ну а сам-то он зачем стал умничать? Так что поделом ему. До самого вечера Лю Юэцзинь изводил себя всякими мыслями и наконец принял решение

покончить собой. И снова он ощутил сладостное щекотание веревки на шее. Повеситься прямо на стройке ему ничего не стоило, там повсюду торчали стальные балки, так что с местом проблем не было. Но на стройку он не пошел, решил повеситься прямо в столовой, где потолочная балка тоже вполне могла выдержать его вес. Однако Лю Юэцзинь так и не повесился. У него не то чтобы не хватало духу совершить задуманное, просто он неожиданно вспомнил, как вор, убегая с добычей, оглянулся и противно усмехнулся, после чего побежал дальше. Уже только из-за одной этой усмешки, не говоря уж о деньгах и расписке, Лю Юэцзинь вознамерился сначала найти этого подлеца и первым вздернуть его. А уж за ним самим дело не станет. Но кто знает: найди он этого вора, может, и вешаться уже не придется.

Однако искать вора в одиночку то же самое, что искать иголку в стоге сена. Тут только Лю Юэцзинь вспомнил про полицию и мигом побежал подавать заявление в участок. Там дежурил какой-то толстяк. Хотя день стоял нежаркий, тот обливался потом. Пока Лю Юэцзинь пересказывал суть дела, полицейский фиксировал необходимое. В украденной сумке Лю Юэцзиня лежало не так много вещей, зато логическая цепочка, которая их связывала, была чересчур уж длинной. В конце концов Лю Юэцзинь запутался, и дежурный потерял ход его мыслей. Он отложил ручку и стал просто слушать, ничего не записывая. Похоже, он уже сомневался в правдивости слов Лю Юэцзиня. Точнее сказать, он сомневался не в пропаже сумки, а в рассказе Лю Юэцзиня про свидетельство о разводе и долговую расписку. Полицейский демонстративно зевнул. Едва Лю Юэцзинь захотел еще что-то добавить, тот, завершив зевок, его остановил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.